Александр Сивинских
Евгений Журавлев
Операция «Шасть!»
Если в городе появляются Илья Муромский, Никита Добрынин и Алеша Попов, Мировому Злу следует крепко призадуматься...

Евгений Журавлев
Александр Сивинских

Операция «Шасть!»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165928
Операция «Шасть!»:

Аннотация

Прав, прав был Михайло Ломоносов: если где-то что-то убыло, то вскоре где-то и прибудет! Раз уж со знаменитой картины Васнецова пропали три богатыря, значит, нужно ждать их появления в самом неожиданном месте. А когда появятся, не терять из виду. Потому что не те это люди, которые станут отсиживаться по домам, когда Мировое Зло присосалось жадным хоботом к мирному городу Картафаново. И вот уже летит по улицам четырехколесный скакун VIP-класса «Ока», а бильярдный кий в руках витязей разит супостатов не хуже, чем копье. Ну а что касается дождя из квакушек и залетного аллигатора, то лягушачьи лапки станут хорошей закуской богатырям, а крокодил непременно подастся в собу… простите, соратники.

Содержание

ЭХТЫОЛОХИЯ 4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 6
ВВЕДЕНИЕ, ВСТУПЛЕНИЕ, ВНЕДРЕНИЕ, ИНТРОДЬЮСИНГ 6
ГЛАВА 1 9
ГЛАВА 2 14
ГЛАВА 3 22
ГЛАВА 4 30
ГЛАВА 5 37
ГЛАВА 6 52
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Александр Сивинских, Евгений Журавлёв Операция «Шасть!»

Шастать – шататься, бродить, шляться без дела; ходить взад и вперёд. Шасть – выражает нечаянный вход, явленье кого-то, или шаг, ступанье. «Шасть гости на двор! Из лесу шасть на них медведь». ***(Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля.)***

ЭХТЫОЛОХИЯ

…А и то сказать: от жизни остаётся всплеск Ерша,
Что сорвался на глазах у Рыболова, —
Заиграет в пятках перьями ершистая Душа
И вернётся, не сказав худого слова.

Ёрш, обманутый наживкой, тоже, в общем, гусь хорош:
Мог бы знать, что нет халявных угощений!
Не малёк ведь, а нормальный, полноценный взрослый Ёрш,
Чья беда в нехватке острых ощущений.

Но сорвался он, не сдался; Рыболова уколов,
Хохоча беззвучно, скрылся под водою.
«Знаешь, Ёрш, – Душа сказала, – я теперь без лишних слов
Хучь в разведку буду брать тебя с собою!»

С тем пошли заре навстречу. Да никто их не встречал,
Только с вечера обкушавшийся водки
Снулый Лещ на сковородке, оживившись, зашкворчал:
– Покрутился б ты б с моё б на сковородке!

Пара Воблин, вялых с пива и провяленных насквозь,
Об экстазе в их объятьях пропищали;
И Белуга-несмеяна рёв умерила: авось,
Бравый Ёршик утолит ея печали.

И с приветом подкатился скользкий хрен-с-горы Налим,
Влез под кожу и повёл переговоры:
– Слышь, Ершунь, давай скачаем от тебя адреналин —
Для глубинки это, брат, златые горы!

«Да пошли вы! – Ёрш подумал. – Что я, донор и герой?
Всяк способен и зарваться, и сорваться.
Жив пока. Душа со мною. Есть вода над головой.
Да на кой мне, добру молодцу, богатство!»

…А и то сказать: вот так вот попадёт под хвост шлея,
Бойко порох зашуршит в пороховнице, —
Там не важно, встанут дыбом перья, хвост ли, чешуя —
Не добыть врагу улов в родной водице.

Значит, есть какой-то проблеск, если верит в нас Душа:
Не серпом – косой по камню жахнет Молох, —
И для жизни остаётся всплеск хвостом в локте Ерша
И побредший восвояси Эхтыолух.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Gaudeamus igitur…

ВВЕДЕНИЕ, ВСТУПЛЕНИЕ, ВНЕДРЕНИЕ, ИНТРОДЬЮСИНГ

Издавна известно: стоит только задуматься, зачем живёт человек, – сразу делается ясно, что задумываться-то ой как не следовало! Вообще. Есть, конечно, уникумы, которым подобное мозговое самоистязание на пользу идёт. Разные там мастера-золотые-руки, Фоки – на все руки доки. Краснодеревщики и краснобайщики. Прочие таланты и гении. Хорошо, если используют они свои творческие поползновения в мирных целях. Иначе – держись!

Элементарный же, среднестатистический хомосап старается не тревожить без нужды сон разума, дабы не попёрли оттуда последним парадом чудовища. Рядовая психика – в целях сохранения вида – прочно и надёжно заблокирована многочисленными табу, вето, да и мощной силой лени. «Противоугонка», в своём роде. Откажет она, и хрупкая оболочка гуманности лопается, а копошащиеся чудовища выползают наружу, являя потрясённому человечеству садистов, маньяков, диктаторов, узурпаторов, террористов.

Движителей прогресса! Едва ли не поголовно вчерашних ефрейторов да капралов.

И кто в этом виноват? А Герцены и виноваты. С Чернышевскими, Менделями, Дарвинами. С Александрами Грейамами Беллами и Биллами Гейтсами. Энергичные поджигатели первых лампочек, беззаветные звонари в колокола. Исследователи таинственных островов и островов доктора Моро. Инициаторы страданий собаки Павлова по кличке Белка. Или Стрелка? Да уж не академик ли Павлов сделал модой «забивать Стрелку» в космосе?!

* * *

День, когда из зала Третьяковской галереи с картины Васнецова исчезли три богатыря, был отмечен целой вереницей исключительных, хоть и мало кем замеченных событий.

Первым делом, ещё затемно, на Красной Площади приземлился неопознанный летающий объект. То есть не совсем приземлился. Забавно кувыркаясь, НЛО обрушился на одну из вечноголубых елей, где и застрял среди пушистых ветвей. Диаметром объект был с чайное блюдце. Серебристый, изящный – и каёмочка лазоревая. Вскоре из блюдца выбралось существо размером с кузнечика и взволнованно зачирикало, размахивая флажком с ноготок младенца. На площади было пустынно, поэтому чьего-либо внимания инопланетный кузнечик не привлёк. Обидевшись на неприветливых аборигенов, существо влезло обратно и улетело. И очень своевременно: на него с гастрономическим интересом начала посматривать живущая в кроне ели белка.

Следующая диковинка произошла в районе реки Индигирка, на перекате одного из безымянных ручейков-притоков. Из леса выбрался крупный медведь с бельмом на левом глазу и устроился ловить рыбу. Вскоре в пасти косолапого забился таймень редчайшей расцветки: сплошь золотой, лишь плавники алые да глаза голубые. Мишка потащил улов на берег, чтобы там спокойно скушать. Рыбина, однако, повела себя странно: раскрыла рот и заговорила человеческим голосом. К сожалению, зверь оказался не только подслеповатым, но и тугим на ухо. Да и вообще ограниченным типом. Вместо того чтобы внимательно выслу-

шать говорящего тайменя, лесной хозяин хряпнул его головой о камень, после чего с довольным урчанием сожрал переставшую трепыхаться и болтать добычу.

Ближе к полдню под деревней Ёшкин Пот, что в Картафановском уезде, пролился дождичек. Дождичек был невелик, скоро начался и скоро кончился, вот только вместо воды падали с небес лягушки, жабы да головастики. А ещё икра, но не паюсная, а тоже лягушачья. К счастью для земноводных, аномалия случилась точно над Черёмушским болотом. Большинство невольных летунов отделалось лёгким испугом. Контуженное от удара о твёрдую почву меньшинство попало в клювы цаплям, уткам и прочим пернатым. Ну да это так и так должно было произойти – рано или поздно.

На съемках первого отечественного кино-комикса «Цокотуха» Человек-Комар вместо того, чтобы сражаться с Человеком-Пауком, вдруг набросился на членов съёмочной группы, стал кусать их и даже порывался пить кровь. Буяна остановил осветитель Дихлофосов, навесив ему хорошенький фонарик под левым глазом. Фонарик тут же начал ярко семафорить в ритме азбуки Морзе. Если бы кто-нибудь из киношников умел читать эту азбуку, узнал бы много загадочного и сенсационного. Но – не сложилось.

В остальном же всё шло как обычно. Остапкинская и Эйфориева башни оставались на местах, хоть и замигала на них среди бела дня иллюминация. Пейзанская и Не-Иванская продолжали падать, – как всегда безуспешно. Под толщей вод Тихого океана крепко спало гигантское чудовище с кракеном на месте головы, и сон его хранили двадцать пять атомных подводных лодок, десять русских, десять американских и пять неизвестно чьих. Марсианский Сфинкс в очередной раз улыбнулся и подмигнул, но учёные в очередной раз об этом умолчали, гады такие. У земного Сфинкса выкрошилось ещё несколько камешков из носа, о чём раструбили все Каирские газеты. Дети пошли наконец-то на летние каникулы.

Словом, планета жила в привычном ритме, абсолютно не ведая, что её ждёт в самом скором времени.

Для само́й Третьяковки день 31 мая 20.. года ознаменовался санитарными мероприятиями. Впрочем, санитаров на тот момент в галерее не обнаруживалось. Равно как не было и движения музейного персонала: все ушли на фронт, на базу, на обед. Чем там они, вообще, занимаются в санитарные дни – это их дело. А только традиция есть традиция. Последний день месяца отдай чистоте и не греши.

Поэтому в зале, где экспонировалось знаменитое полотно, в два часа пополудни процесс метаморфоза могла наблюдать только упитанная синица, которая неведомо как попала в музей. Но пичуге было не до того, чтобы на картины пялиться. Ополоумев от ужаса, она с писком металась по залам в поисках выхода на волю.

Да, собственно, и самого метаморфоза, сопровождаемого из ряда вон выходящими катаклизмами, вроде как не было. Следящая за залом видеокамера ровным счётом ничего лишнего не зафиксировала. Кроме синицы, конечно. Как висела картина, изображающая трёх богатырских коней, щипающих редкую пожухшую травку подле разбросанной там и сям ратной амуниции, так и висит. Не сменилось и название «Купание трёх богатырей. Hard day’s night».

Бывало, иному посетителю галереи становилось невдомёк, где же, шорт поб’ери, пресловутые купальщики? И тогда случившийся поблизости экскурсовод начинал разглагольствовать о суровой цензуре, царившей в период написания картины. Звучало это примерно так:

«В условиях жесточайшего монархического контроля изображение нагих прекрасных мужских тел считалось пропагандой свального греха и приравнивалось к гомосексуальному террористическому акту. Это потом уже, в разнузданную эпоху НЭП Петров-Водкин со своим “Красным конём” мог должным образом чувствовать себя на коне. А Васнецову при-

ходилось хитрить и выкручиваться. Подумайте сами, разве мог он написать витязей, плавающих в полном воинском облачении? Они, потопившие непобедимую армаду тевтонских псов-рыцарей, сами не избежали бы подобной участи. А освежиться надо? Отдых после боя. Пивко там, русалки, то-сё. Вот и вышел из-под его кисти гениально компромиссный сюжет. Между прочим, нетленный. Много воды утекло, много режимов и видов цензур сменилось, а воображение у зрителя перед этой картиной по-прежнему работает на всю катушку…»

Ну, висит картина и бог с ней. По-прежнему нетленная и неподцензурная. Изменился лишь малюсенький кусочек реальности.

Витязей на полотне не стало.

Даже в умозрительном смысле.

Есть такое понятие «диалектика», прости господи. А где понятие, там и закон. И гласит он, будто ничто на земле не проходит бесследно. И не происходит. Если где-то что-то убыло, то где-то, стало быть, прибыло. Вот и получается, что отлучившиеся под давлением обстоятельств богатыри непременно должны были где-нибудь материализоваться.

Так уже бывало. Раз в столетие русская мать-сыра земля бесполовым путём производит на свет чудо-богатырей. Лепит она героев из того материала, который находится под рукой. Само собой, используются в первую очередь проверенные временем эталоны. Потому и возникает в реальности чаще всего дружная троица. И сигают витязи из века в век, не подозревая о своей былинности.

Каждый раз это совершенно обычные люди, внезапно охваченные благородной идей Великого Негодования при виде поругания Руси. Однако в каждой новой реинкарнации кодировка генетической памяти, «памяти предков» остаётся неизменной. И рано или поздно реалии становятся таковы, что приходится витязям следовать жёстко регламентированной Установке.

Разумеется, по обстоятельствам.

ГЛАВА 1
ДИАЛЕКТИКА, ПРОСТИ ГОСПОДИ

31 мая 20.. года в два часа пополудни из подъезда единственной мультиэтажки по Малой Кронштейновой улице вывалился Попа. Попой Алексея Попова друзья называли, естественно, из-за фамилии, а больше – из-за Лёхиной привязанности к данному слову. Слово служило ему для выражения различных эмоций, а также в роли конечного пункта для посыла неприятных субъектов.

Вульгарной же матерной лексикой Лёха обычно не баловался. Напротив, ревностно культивировал подзабытое у нас семиэтажно забористое (не путать с заборным!) искусство. Потому же постоянно носил Лёха при себе записную книжку, куда сладострастно заносил неизвестные дотоле речевые обороты, неологизмы, идиомы, метафоры и оригинальные словообразования. Как всякий истый ценитель изящной словесности, он ревниво следил за последними достижениями в этой области. Знал назубок историю русского мата и в любом состоянии мог расправить перед любопытствующими семантическую цепочку опорно-ключевых позиций национальной гордости великороссов. Однако применял Попов свои знания и умения исключительно в здравом уме и твёрдой памяти, с холодной, ясной головой, строго дозированно. Помнил: пусть без соли пища пресна, но и кушать соль ложками – чревато.

Сейчас Алексей был на взводе: в запарке, в горячке, – в общем, в той самой попе. Жалкие потуги дождя-доходяги остудить горячую льняноволосую голову ни к чему не приводили. Лишь редкие капли долетали до середины чела тридцатилетнего отрока, чьи тёмно-синие глаза буквально излучали физическое недовольство реальностью, данной ему в ощущениях.

А ощущения были – не пожелаешь злейшему врагу. Да и враги, если присмотреться, шныряли вокруг когортами. Легионами. Бессчетными полчищами! Располагались эти гады большей частью за рулём. В разгар трудового дня вражьи автомобили шли по проспекту Градоустроителей, центральному картафановскому автобану, непрерывным потоком. Шли на бизнес-ланч и с бизнес-ланчей. На деловые и романтические свидания. В магазины, в салоны, в сады-огороды. Они отвратительно шуршали, скрипели, гудели, смердели и пересекали блеклую «зебру», перед которой замер Попов, без малейшего намёка на торможение.

Алексей взалкал. Динамита, пластида, гексогена. Противотанковых гранат и мин. На худой конец, мало-мальски крупного калибром пулемёта с подствольником. Одним словом, крови. Моря крови. Ну и до кучи – кучи трупов.

Организм требовал действия, и Попов решительно шагнул на «зебру», сжимая в кулачищах воображаемый гранатомёт.

Враги, опешившие от партизанской вылазки бунтаря-одиночки, спешно притормаживали, смешивая ряды. Самый главный враг на страховидном джипе, оглушительно сигналя, остановился буквально в паре сантиметров от Попова, едва не наехав на его представительские «лакировки». Тонированное водительское стекло опустилось, явив голову микроцефала на бюсте терминатора. Голова была в непроницаемо-чёрных очках, бюст – в растительности и златых цепях. Голова передёрнула челюстью, как затвором, и начала шмалять в Лёху очередями из игрушечного автоматического пистолета:

– Да ты козёл в натуре ща я тебя урою братки подгонят похоронят в асфальт закопают кто ты такой козёл сюда ходи ща ты у меня не ходить летать будешь…

Однако, наткнувшись на рвущийся с поводка взгляд и подсознательно почувствовав воображаемый гранатомёт, терминатор запнулся, икнул и поспешил убраться в салон. Непроницаемые ставни захлопнулись с душераздирающим скрежетом.

Отчасти удовлетворённый Алексей достал пачку «Примы» и миролюбиво протянул к лобовому стеклу автомонстра: угощайся, брателло! Брателло, вместо того, чтобы угоститься, тупо прятался внутри. Так и не дождавшись реакции, Попов сказал «Эх ты, чуча», со вкусом закурил сам и победоносно зашагал через проспект.

* * *

Генеалогическое древо Поповых простёрло мохнатые корни-щупальца далеко в века. Самый толстый и ядрёный корень змеился от знаменитого изобретателя радио. И хотя впоследствии в пышной кроне славного древа можно было обнаружить клан клоунов, разветвлённую писательскую сеть, культового британского попсовика по прозвищу Игги Поп, – но картафановскую диаспору напитывал соками именно инженерный корень. Засевшие здесь Поповы (без исключения большого творческого потенциала люди, симпатяги и умницы) трудились в конструкторском бюро секретного предприятия «Луч».

Не избежал инженерской участи и Алексей Леонтьевич Попов, обладатель ясной головы и есенинской наружности. Природе оно, конечно, известно, откуда у парня рязанская грусть, да только разве ж она сознается? Мы же заметим: за подобный типаж киношные «мыловары» немало бы голов друг у друга поотрывали. Впустую, конечно. Алексей Леонтьевич в попе видел всякие там синематографы. Он являлся пламенным конструктором механизмов будущего и романтиком робототехники. А по совместительству певцом русского бильярда.

Создаваемые им фантастические изделия без остановки завоёвывали призовые места и дипломы на различных специализированных выставках. К его ноу-хау втихую подбирались вороватые и мастеровито-юркие представители дальнего зарубежья. Подбирались долго и безуспешно, поскольку для Алексея честь отчизны не была звонкой фразой. В конце концов, эти барракуды промышленного шпионажа и стервятники патентоведения, заморившись уговаривать дурня и строптивца, решили попросту откупить вожделенный пакет документов у руководства предприятия. Под прикрывающий шумок какого-то якобы инвестиционного проекта и практически за бесценок.

И ведь удалась им афера века, вот в чём весь серпантин!

Лёха узнал об этом только вчера, случайно, зацепив в Интернете хвастливую информацию о «новейших разработках ниппонских гениев».

Все до единой разработки были его собственные.

Переговоры с директоратом оказались на редкость непродуктивными, зато краткими. Хоть официальную ноту протеста и украсили самые отборные «матовые» жемчужины из коллекции инженера, компромисса не случилось. Разновысокие договаривающиеся стороны говорили, как всегда, о разном. Вшивые толковали о бане, то есть о плачевном финансовом положении КБ, которое необходимо преодолевать. Попов – о будущем отечества и интеллектуальной собственности. Консенсус в итоге остался всего лишь нерусским словом.

Предложенные отступные подневольный отступник чрезвычайно энергично отправил куда следует. И ушёл, как водится, не попрощавшись, «позабыв немой футляр».

Уйти-то он ушёл, но вздувшийся фурункул смятенья и гнева продолжал тревожить Попова. Чесался, проклятый. Вскрыть его следовало при помощи верного кия.

Для выполнения операции Алексей отправился в клуб «Black Jack». И всё вроде бы складывалось хорошо – уже сыгрались с положительным балансом разминочные партии, уже заскакали в яблочко, как намагниченные, дуплеты… Как вдруг, на Лёхину беду, пошёл удар у Герки Немчика. Удар, выдержать который Попа не смог. Костяные шары, пущенные Геркой, проехались по Лёхе с неумолимостью асфальтового катка.

Окончательно озверев от милостей судьбы, расплющенный, униженный и оскорблённый, Алексей до утра слонялся по увеселительным заведениям, завивая горе верёвочкой. Однако мэтр прав: сколь верёвочка не вейся, всё равно совьёшься в плеть!..

Плеть принялась стегать Лёху ближе к полудню 31 мая. В основном по буйной голове. Голова немелодично звенела и разбухала точно от грыжи. Вот почему, после нудных физических и нравственных мытарств, несчастный владелец грыжи оказался на проспекте Градоустроителей.

Возле пивной палатки.

* * *

– Две порции, – почти не разжимая губ, пробормотал Попов, чувствуя, что это вовсе не его язык шевелится, а чревовещает грыжа.

Он кивнул в сторону разливного. Кивок усугубил Лёхины страдания до максимума.

– Три, – профессионально оценила состояние клиента сестра милосердия. Вместо шприца или клизмы её нежная лапка сжимала рукоятку крана, запирающего внушительную пивную ёмкость.

«Две», – возразил ей пальцами окончательно одуревший клиент.

Профессионализм продавщицы был, конечно, выше всяких похвал, в этом-то Лёха не сомневался. Просто он смутно, неохваченными грыжей клетками мозга, помнил, что денег хватает всего на две порции лекарства.

– Ну, две так две. Главное начать! – легкомысленно прощебетала продавщица и соблаговолила, наконец, открыть краник.

– Главное – кончить! – вяло отшутился Лёха, принимая спасительные сосуды.

Замороженные губы точно магнитом притянулись к первому стакану. Говорят, нельзя объять необъятное. После размыкания губ Алексей Попов объял бессмертие. Когда последние пивные капли, ни на секунду не задерживаясь в гортани, упали вниз, он понял, что будет жить вечно. Он будет играть на бильярде Вселенной. Будет загонять шаровые скопления в «чёрные дыры». Он – будет!

Лёха медленно выдохнул остатки септичного воздуха. Милостиво кивнул ординатору службы его спасения и двинулся со вторым стаканом к выходу.

Дождь к тому времени, оказывается, предусмотрительно отступил к северо-западной окраине города, выкинув вместо белого флага весёлое радужное полотенце. Солнце распалено набросилось на лужицы, заскакало по витринам и стёклам машин. Разномастные зелёные насаждения в скверике за пивным павильоном, томно потягиваясь, так рьяно заиграли хлорофилловыми фибрами, что у Алексея защипало в носу.

И врагов-то, вроде, стало поменьше.

Настроение стремительно восставало из руин. С просыпающимся интересом к бытию Алексей смаковал пиво. Весьма кстати неподалёку продефилировала аппетитная блондинка. Попов сопроводил чаровницу взором, убеждая себя, что лучшей закуски, чем это вкусное зрелище, трудно представить.

Внезапно сзади на плечо опустилась тяжёлая длань. Знакомый хрипловатый баритон произнёс:

– Здорово живём, господин инженегр.

Осторожно развернувшись, чтобы не расплескать драгоценный напиток, Алексей увидел старинного друга Илью. Гиганта, силача, профессионального боксёра и сердцееда. Илья был неузнаваем. Свежий солодовый запах плотно обволакивал его небритую морду. Коротко остриженные волосы казались взъерошенными. Таким Попа наблюдал Большого Брата

один-единственный раз, лет семь назад. Когда тот, в условиях затяжного насморка, проиграл финал регионального чемпионата молокососу Деревянному Панде.

– Здорово, Илюха! – сказал Попов. – Ты чего смурной?

Илья Муромский, несмотря на недюжинный рост и физиономию наподобие кое-как отредактированной личины Квазимодо, нрава был легчайшего. По сути, был он чистым психоэнергетическим донором. Потому-то, видать, возле него даже отъявленные и прожжённые мужененавистницы колебались в своём кредо. Количество феминисток, павших в объятия этому виртуозу мордобития, счету не поддавалось. Конечно, доброму и безалаберному бутузу ещё в детско-юношеской спортивной школе внушили, что добро должно быть с кулаками. Только ведь мягкое сердце – не мачехин калач, скоро не зачерствеет. Каждый раз искренне кручинился крепенький паренёк Илюшка, наподдавав сопернику по сопатке. Да и впоследствии, отведав амброзию победы, Муромский испытывал жестокие душевные муки, посылая соперников в нокаут.

«Может, и сейчас кому-нибудь чересчур сильно врезал, – подумал Лёха, – оттого и страдает?»

Илья осторожно захватил Лёхин стакан с пивом и, не замечая прилепившуюся к нему руку, проглотил содержимое одним глотком. Попов поражённо крякнул. Пить и курить Муромский бросил в девятом классе.

– Попчик, дорогой! – с бесшабашной лихостью загульного купчины воскликнул Илья, сминая в кулачище опустевший пластиковый сосуд. А с ним и Лёхину кисть. – Поедем-ка, братишка, кататься…

– Чего вдруг? – полюбопытствовал Лёха, осторожно освобождая руку из Илюхиного захвата.

– Тут, Лёш, такое дело, понимаешь… Немыслимое дело. Можно сказать, мировое зло пошло войной на всё прекрасное.

Попов, вспомнив собственный разговор с начальством и последовавшее фиаско в «Black Jack», заявлению Ильи вовсе не удивился. А тот продолжал:

– Мне, МНЕ предложили лечь под Хмыря! Ну ты же знаешь Хмыря. А Бакшиш, мой промоутер, шепчет, змей: «твой последний бой». Типа шанс нарубить капусты на пенсию. Нет, ну не поганец ли? Я – и на пенсию. Я – и под Хмыря! Если б нас один перчила не разрулил, то!.. У-ух! Ты ж меня знаешь.

Алексей знал. Ой, как знал.

«Видать, жадность Бакшишу совсем мозги своротила, раз решился такое Илюхе предложить, – подумал он. – Интересно было б взглянуть на перчилу, который смог нашего медведя от буйства удержать».

Илья посмотрел ему в глаза.

– Поехали, Лёшка, а? Пить будем, гулять будем, а смерть придёт – помирать будем!..

– А может, брат, погодим помирать-то? – сказал Лёха, которому первая часть Илюхиного лозунга понравилась намного больше, чем вторая.

– Об чём речь! – с восторгом согласился Илья. – Да запросто! Оно же только родить нельзя погодить, а остальное хоть бы хны.

* * *

Кататься перед питием и гуляньем предлагалось на возлюбленной «Окушке» Муромского.

Из машины навстречу им поднялся незнакомый Попову заджинсованный мэн. Среднего роста, с обаятельной улыбкой и пронзительным взглядом тёмных, глубоко сидящих глаз. С усиками.

– А вот и перчила, о котором я тебе говорил, – с гордым видом личного друга всех перчил в округе отрекомендовал его Илья. – Знакомься, Лёшка, это Никита Добрынин. Бывалый вояка и вчерашний санитар изнанки наших каменных джунглей. То есть морга. А это, Никит, – Лёха Попов, мой корешок, корешище, корефанище.

Знакомство продолжилось крепким рукопожатием. Кисти Алексея и Никиты сомкнулись, сжались и… расслабились. Заметно было, что обе стороны остались довольны проскочившими искрами обоюдной симпатии.

– Ну-с, бояре, биться, так биться! – вскричал Алексей, чувствуя необычайный душевный подъём. – Где это хреново мировое зло?!

Муромский, значительно подняв указательный палец, важно ответил:

– Мировое Зло есть реверс Мирового Добра!

– Или аверс, – задумчиво поддержал философскую нить разговора новый знакомый. После чего в порядке резюме, на одном дыхании выдал пышный букетище красных словес.

Трава пригнулась. С ближайших кустов и деревьев посыпались остатки дождевой воды.

Лёха, совершенно обалдев, с обожанием воззрился на человека, так непринуждённо разбрасывающего смарагды, сапфиры и гранаты великого и могучего языка. У самого-то у него язык прямо-таки онемел. Он только и смог спросить:

– Что так-то?

– Прощание со славянкой, – кратко ответствовал Никита. И положил рядом с ещё дрожащим в воздухе первым букетом второй, более пышный и осязаемый.

Неизвестно, как он там разрулил ситуацию с Илюшкиным Бакшишем, но Алексея речевая мощь перчилы Добрынина пробрала до самых корней. До кончиков.

– Так мы едем? – полюбопытствовал для порядка Муромский.

– Безусловно, – сказал Алексей.

– По коням, – подытожил Никита.

Троица компактно распределилась по салону «Оки». Дружелюбно заурчал отлаженный движок. Из-под правого колеса порскнул на тротуар здоровенный дымчатый котище, затмив на мгновение водителю и пассажирам белый свет хвостом невероятных размеров.

Место подвига ждало героев. Почва была аккуратно взрыхлена и унавожена. В Третьяковской галерее антикварные часы XVIII века пробили два часа пополудни.

ГЛАВА 2
БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ?

Черемысль – отнюдь не самый богатый штат в Объединённых Руссийских Конгломератах. Потому и внебрачный его ребёнок, городок Картафаново особенным процветанием не выделялся. Впрочем, не выделялся он и какой-нибудь особенной разрухой.

По причине удалённости от метрополии, а также известно чьих происков, понятно чьего казнокрадства, ясно какого климата и главное – надмирной русской планиды, дороги в Картафанове были, сами представляете, какие. Для безопасной и комфортной езды по здешним асфальтовым магистралям нашим героям, чья совокупная масса приближалась к трём сотням килограммов, подошёл бы больше всего здоровущий джип. «Land-Rover» какой-нибудь.

Илюхина «Окушка» цвета кофе со сливками хоть и походила на джип формой, но прочностью уступала. Лёха, критически окинув машинку своим ясным, промытым пивком взором, так прямо об этом и высказался:

– Попа полная! Да мы ж её в шанежку расплющим, парни.

– Не мандраже, кудрявый, – успокоил его Илья. – Лошадка только что из тюнинга… тюнигу… – Он покатал во рту модное слово и с брезгливостью выплюнул. – Только что от Матвейки Черепанова. Матвейку-то знаешь?

Лёха кивнул – кто ж в Картафанове не знает Матвейку-Паровоза?

– Вот я и говорю… Ручки к ней приложены трудовые. Подвеска усилена, то да сё. Бугая пятилетнего нехолощеного можно возить. Хоть бы хны. Главное – внутрь затолкать.

Илья хохотнул и любовно погладил «Окушку» по крыше. Никите на миг почудилось, что машинка, словно кошка, выгнула спинку навстречу его страшенной лапище и довольно мурлыкнула. Добрынин оторопело моргнул и, чтобы скрыть растерянность, закурил.

Папиросы у него были «Беломор», зато зажигалка «Ронсон».

Лёха, похоже, также увидел что-то странное, но виду не подал. Как уже говорилось, он знал Илью с голоштанного детства и привык, что к тому магнетически тянет всяческих особ женского пола. Почему должно быть исключение для техники? Он взглядом попросил у Никиты папироску, получил, раскурил, мимоходом отметил тонкий вкус грубого табачка и, красиво выпустив два дымных шлейфа из ноздрей, справился:

– Куда покатим-то, братцы?

– На Пятак! – провозгласил Муромский. – И без возражений. Я, срамно признаться, нынче ещё ни разу не купался. Ни единого! А завтра уж июнь. Первый шаг природы к осеннему увяданию. Там, на бережке под липками и обсудим, с какого боку за мировое зло браться.

– Маёвка за городом – славная традиция русской, разъети её в пути, революции, – заметил с одобрением Никита.

– Маёвка, оно конечно, да. Вещь. Только у меня, между прочим, плавок нету, – сообщил Лёха, забираясь на заднее сиденье.

Представить, что туда, в эту кормовую тесноту, полезет заджинсованный перчила Добрынин – с его щёгольскими усами, аристократической физиономией и «Ронсоном» в кармане бело-голубых, как будто слегка светящихся «Ливайсов» – так вот, представить такое зрелище Лёха был не способен категорически. А ему-то что, ему не привыкать. Он и в тракторной тележке, на наваленном россыпью корнеплоде турнепсе путешествовал. В багажном отсеке «кукурузника» вместо кукурузы летал. Вот такенного борова в детстве объезжал. Без седла, зато со шпорами!

– Плавок нету? И что? Семейники тебе уже и не трусы будто, – с добродушной укоризной прогудел Илья. – Мне вот, положим, они трусы, Никите трусы. А тебе – позорный клочок ткани?

В этот момент Никита рывком высунул голову в окошечко и обронил на мостовую дюжину-другую отборных – матовых по выражению Лёхи Попова – самоцветов. Неизвестно, оценил ли этот царский подарок дымчатый котяра, чей дерзкий бросок из-под колеса «Оки» послужил детонатором для взрыва, зато Лёха оценил сполна. Он широко улыбнулся и блаженно прищурил глаза. Ну кому, скажите на милость, пришло в голову звать злодейкой – судьбу, которая сводит с такими людьми?

Тем временем ведомая уверенной рукой Ильи машинка, подрезав грузовик «Кока-кола», выскочила в крайний левый ряд на проспекте Градоустроителей (бывший Далёких Канонад), нахраписто обошла спортивного вида иномарку и бодренько покатила навстречу солнцу. По направлению к озеру Пятак.

* * *

Пока друзья едут на маёвку, представим поближе заджинсованного перчилу.

Никита Добрынин был военная косточка в бог знает, каком поколении. Со времён Петра Великого, а то и раньше Добрынины верой и правдой служили отчизне. Дед Никиты, Самсон Добрынин, был одним из самых секретных диверсантов, действовавших в тылу фрицев с 1941 по самый 1945 год. Отец, Василий Самсонович, подвизался в зенитно-ракетной артиллерии. Именно он лично наводил ракету, сбившую Пауэрса над Черемыслем. Выйдя на пенсию, заслуженный ракетчик остался жить в городе своей боевой славы, где и появился на свет наш герой. Ясно, что для Никиты Васильевича иной дорожки, чем военная, не было. После Суворовского училища он подался в Краснознамённое Высшее военно-политическое училище имени Поссовета. По окончании Добрынина ждала карьера замполита, политрука, а, по-прежнему, комиссара. Однако стал он в итоге замысловатых жизненных выкрутасов армейским корреспондентом. В очень, очень приличном журнале Министерства обороны «На плечо!».

Конец лета 19.. года ознаменовался для молодого военкора, двадцатитрёхлетнего лейтенанта Добрынина первым серьёзным заданием. Командировкой в Забайкальский военный округ. Там недавно созданная группа пограничников ловила китайских браконьеров, истреблявших на нашей территории уссурийских тигров. У себя в Поднебесной, в погоне за целебными тигриными усами, когтями, костями и требухой, они перебили уже всех полосатых красавцев. Подчистую.

Командировка удалась. Никита сполна нюхнул пороху, сдружился с молодцами-погранцами и даже лично задержал прыгучего, как бешеный кузнечик, ловкача китаёзу. Тот махал ногами и большим разделочным ножом с поистине нечеловеческой скоростью, но не уследил за Никитиным левым кулаком, а потому остался без четырёх зубов, зато с бандажом на сломанной верхней челюсти. Повторим: верхней челюсти!

Встретил лейтенант Добрынин в районе Уссури и свою большую любовь. Любовь звали Элла, Элка, Элечка. Она была дочкой пограничного подполковника Браславского и первой красавицей всего Еврейского автономного округа. Точнее, если говорить именно о еврейских красавицах, последней. Спустя два года она, уже побывав Никитиной женой, укатила в свои Палестины. Делать бизнес или что ещё – ему было безразлично. После развода Добрынин знать ничего не хотел о её тамошней жизни.

В столицу тогда, после первого служебного задания, Никита прибыл только к Ноябрьским праздникам. В косматой волчьей дохе, в перепоясанных ремнями лётных унтах, при титанических рогах изюбря под мышкой. С третьей звёздочкой на погонах. Но главное, с

несколькими толстыми блокнотами материалов в чемодане. Материалов этих хватило бы не то, что на статью – на книгу.

Однако выяснилось, что знаменитого журнала «На плечо!» больше не существует, а все работники уволены из рядов Вооружённых Сил. Без выходного пособия и без пенсиона. Так что будьте счастливы, безработный дембель Добрынин.

Нельзя сказать, что Никита сильно расстроился. Будучи действительно счастливым, он вернулся к Элке, без которой не представлял дальнейшей жизни. Расписались тут же.

Добрынин, не испытывая особой тяги к постоянной службе, околачивал вместо груш приамурские ильмы. Подрабатывал пером. Клепал статейки для регионального отделения «Комсомолки». Подписывался Джузеппе Куло. Батрачил литературным негром, производя три-четыре книжки в год. Книжки были знатные. «Не попадайся Аллигатору на зуб». «Аллигатор. Ноусэры стреляют с корточек». «Аллигатор против сомиков кандиру». Деньги тоже выходили приличные. А то, что на обложках красовалось чужое имя, так это – пустое! Сомнительной славы Аллигаторова родителя Добрынин не желал.

Потом Элка вдруг сказала «прости-прощай» и улетела к Синайским гобеленам и Голандским высотам.

Никита стремительно пропил с горя всё добро, добытое челюстями Аллигатора и корточками ноусэров, включая квартиру в центре Биробиджана, и мотнул к родителям, в Черемысль. А через месяц, устав от отцовского ворчания, перебрался в Картафаново.

Устроился санитаром в морг, пописывал заказные и рекламные статейки. Развивал и без того немаленькую силушку изометрической гимнастикой по методу Анохина. Описание метода он отыскал в журнале «Нива» за 1909 год.

И вот здесь-то, собирая материал для щедро оплаченной серии статей о детско-юношеской спортивной школе «Свинцовая перчатка» (башлял директор «Перчатки», более известный в Картафанове как Бакшиш, организатор подпольных боксёрских турниров), Никита встретил Илюху Муромского. Тот, конечно, давненько вышел из детско-юношеского возраста, но Бакшиш редко бросал на волю судьбы выпестованных в «Перчатке» талантов. Особенно – обладающих великолепно поставленным ударом супертяжеловесов-нокаутёров.

Мужчины живо прониклись взаимным уважением. Илюха по широте души раскрыл новому другу всю подноготную Картафановского спортивного бизнеса. Шанс отблагодарить Муромского представился Никите очень скоро. Буквально за пару часов до знаменательного сошествия витязей с Васнецовского полотна.

Словно сам сатана подвиг его оставить в то последнее майское утро прохладную, благоухающую хвоей и тленом утробу Картафановского морга, облачиться в пижонскую джинсу и направить стопы в расположение «Свинцовой перчатки».

Упомянем, что сатану звали Любавой Олеговной. Являлась она прозекторшей и прямой начальницей над Никитой и над всеми его холодными подопечными. Статей была драгунских, а характера гусарского. Но о ней после…

* * *

Подоспел Никита, впрочем, как раз вовремя. Бакшиш только что предложил Муромскому несусветное. Лечь под Хмыря.

Под Хмыря, йопрст! Илья, с виду вполне добродушно отшучиваясь (выдержке боксёра-профи позавидует и карточный шулер), всерьёз присматривался к морщинистой репе Бакшиша на предмет «куда бы тут засветить, чтобы не насмерть». Одновременно боковым зрением он оценивал положение Тыры и Богарта, Бакшишевых телохранителей. Тыре уже давно следовало пробить бубну и крепко пробить, ну а Богарт… Никто его в шестёрки не

гнал. А коли вложить своевременно ума, так сам потом благодарить будет. Поваляется в больнице месячишко, авось и поймёт, что такое баско, и что такое баксы.

Илья наскоро похвалил себя за каламбур и решил начать расстановку акцентов, точек над Ё и тильд-апострофов именно с Богарта. Главное, по голове не бить. Рёбрышки пересчитать – с него и довольно.

Вот тут-то в поле зрения Илюхи возник Никита Добрынин. Обычно бесстрастное лицо Никиты цвело медоточивой улыбкой, руки были разведены точно для объятий. Но глубоко посаженные карие глаза смотрели, как бы прицеливаясь. В перекрестье угодил принуждённо скалящийся Бакшиш.

Дальше что-то произошло. Кажется, Никита заговорил. Ну, то есть сначала он, как обыкновенно, поприветствовал «чёртушек здоровых» в своей излюбленной манере. Через три загиба, через три колена, в сердце, в печень, в ядрёный корень. Да так сердешно, что Тыра с Богартом чуть слезу умиления не пустили, а Бакшиш совершенно расслабился и кивнул в ответ.

А потом – провал. Попа папуаса, как сказал бы старинный корешок Лёха. Бесспорно, что-то совершалось. Действие какое-то. Агрессия какая-то. Кому-то было очень плохо, и он ныл об этом тонким голоском. Кто-то стоял на одной ноге, далеко назад запрокинув голову, и неистово размахивал руками, будто крыльями. Кто-то убегал на четвереньках и всё не мог убежать, пока ему не наподдали ногой под копчик. Слабо тянуло пороховой гарью. И вроде грохотало где-то могучее «ура».

Очнулся Илья только на крылечке, хлебнув полной грудью дыма Никитиной беломорины.

– Я их ушатал? – спросил Илья, прислушиваясь к себе. Ощущение было – как после второго раунда с камээсом-любителем. То есть бодрость, наплыв сил и желание побаловать с сопляком ещё чуть-чуть. Подразнить публику.

– Я их ушатал, – ответствовал Никита, веско уперев на «я».

– Ну? – поразился Илья. – А я что?

– А ты велел Богарту хорошо подумать, что такое баско, и что такое баксы. И что он для себя выбирает.

– А после?

– А после под зад пнул. – Никита растопырил пальцы, изучая чистоту безукоризненных ногтей. – Довольно сильно пнул, – добавил он с одобрением.

Илья на секунду задумался. Потом слегка виновато глянул на Добрынина и пробасил:

– Никит, ты только не обижайся… Не то чтобы я тебя за слабака держу… Просто они резкие парни. Особенно Богарт. Его бы и я-то с первого раза то ли вынес, а то ли хрена. Или ты их газом травануул? Вместе со мной, а? Я ваще ничо не помню!

Никита аккуратно загасил папиросу, опустил окурок в урну, бросил в рот леденец и сказал:

– Я их пальцем не тронул. Немного поговорил и всё. Бакшиш, оказывается, тебя ровно сына любит. Отпустил с миром да ещё «отвального» пять штук бачей пообещал. Завтра в полдень подвезут. Прямо домой.

– Да брось! Где это видано, чтобы Бакшиш дал себя уговорить?

– Понимаешь, Илюха, – сказал Никита, сходя с крыльца Картафановского Дворца спорта. – Нас в Высшем военно-политическом имени Поссовета в основном тому и учили – говорить убедительно. Вот представь, у тебя на руках рота пацанвы, а за бруствером – чисто поле. И по нему работает артиллерия, авиация и до батальона мотопехоты противника. Шквал огня, прости за пафос. А тебе надо своих напустивших со страху в штаны мальчишек поднять и бросить в атаку. На смерть практически. И они понимают, что на смерть. Представил? Ты сможешь?

Илья, трезво оценивающий свои способности кого-то в чём-то убедить одними словами, без рукоприкладства, только хмыкнул.

– Так вот, я смогу. С Бакшишем, конечно, посложнее было. Но ведь и он человек.

– Что, в самом деле? – вполне натурально изумился Муромский.

– Как ни странно, – молвил Никита. – Так что ты теперь вольная пташка. Вместе со мной.

– А ты-то с чего вдруг?

Добрынин с печалью проговорил «двумя словами не скажешь» и качнул головой в сторону близких зонтиков летней пивной.

– Я вроде как на режиме… – засомневался Илья. – Но ведь, с другой стороны…

– То-то и оно, что с другой! – развеял остатки его сомнений Никита. – С категорически обратной. Которая, по сути, может, и есть самая лицевая.

– Морда буден, – изрёк Илья. – Харя Кришны.

И уже через минуту полетели с бутылочных головок крышечки, полезла с шипением через край сладкая пивная пена, и пластиковые стаканы ударились боками с неожиданно чистым хрустальным звоном.

Друзей он, впрочем, не удивил. Коли уж палка раз в год стреляет…

– Я ведь, брат, бывшую жену всё ещё люблю, – сообщил после первых жадных глотков Никита. – Элка меня тоже любит. Когда звонит раз в полгода, так и заявляет: в любой момент приючу и обласкаю. Плевать, дескать, на развод и теперешних воздыхателей. Но далековато она. А кой-какие потребности, напротив, всегда при мне.

Илья понимающе кивнул и с клокотанием влил в себя до полулитра пива за раз. Вкусно захрустел сухариками. О кой-каких потребностях он знал решительно всё. Хоть женат ни разу не был.

– А тут, понимаешь, начальница моя, Любава… Олеговна…

– Понимаю. Видная, – заметил с одобрением Муромский, более всего ценивший в женщинах телесную крепость. Он опалубил второй стакан и спросил: – С норовом, кажись, баба?

– А то! – на миг загордился Никита.

– Так ведь и ты с характером?

– А то! – повторил Добрынин почти что с угрозой.

– Ну и нашла коса на камень, – сделал заключение Илья.

– А то! – в третий раз сказал Добрынин и покачал головой: – Нет, представляешь, она мне та-акое предложила… – Он тактично не стал углубляться в суть чудовищного предложения, только рукой махнул. – Э-эх… Да и где, главное? Прямо в холодильнике нашем. Ей-богу, перед усопшими неловко. «Дёшево же, говорю, вы меня цените, драгоценная Любава Олеговна, если к такому склоняете». А она без экивоков: «Ну, так и пшёл прочь, скотина! Сопля зелёная! Вахлак!»

– Вахлак? Сопля? Ой, ё! А я-то считал, это у меня сегодня трудный день, – посочувствовал ему Муромский.

Пиво тем временем кончилось. Молча переглянувшись, друзья решили, что ладно, для начала хорош. И пошли себе, пошли. Остановились одновременно, подле чистенькой «Окушки» нежного кофейного цвета.

– Это, часом, не твой пони? – спросил Никита.

– Обижаешь, брат, – сказал Илья. – Не пони, а скакун. Конёк-горбунок дамского полу и самочистых кровей. Семижильная кобылка, «КАМАЗам» родственница. Садись, прокатимся. Хочу тебя с одним парнем познакомить. Чует моё сердце, необходимо это. Ой как необходимо.

– Кому? – спросил Никита. Больше для порядку спросил, потому что чуял: Илья прав.

– Матушке Святой Руси, – без тени улыбки ответил Муромский.

* * *

…Доехав до подступов к озеру, друзья поняли, что маёвка отменяется. Поперёк дороги был растянут полосатый как шершень жёлто-чёрный транспарант с предостережением: «Озеро Пятак – сточная яма для химических отходов!» Под плакатом бродили нелепые фигуры в противорадиационных балахонах и респираторах. Двое или трое протестовавших приковали себя цепями к перегородившей проезд ферме мостового крана. Тут же суетились телевизионщики, милиция, врачи «Скорой». Стояли две «Волги», возле которых кучковались представительного вида граждане.

– Да что за чепуха? Какие там могут быть химические отходы? – осердился Илья, заподозрив, что с купанием наклёвывается облом.

Словно услышав его вопрос, какой-то полный мужчина в светлом дорогом костюме с упоённой яростью заорал от «Волг»: «Это ложь и провокация, оплаченная известно кем!..» На что люди в балахонах ответили, глумливо задув в детские дудочки.

– Я объезд знаю, – похвалился Лёха.

– Да я сам знаю, – сказал Илья. – Но ведь через объезд далеко. Время жалко терять.

– Ой, ёкарный бабай, что сейчас начнётся! – сказал вдруг со странным выражением Никита и поспешно закрутил рычажок, подымая боковое окошечко.

Тут только друзья обратили внимание на накатившую невесть откуда темноту. За несколько секунд небо затянули беспросветные как смертный грех тучи. В тучах ворочались и смешивались совсем уж жуткие клубы черноты, из-под которых били короткие злые молнии. Молнии ветвились, перетекая одна в другую, и оплетали весь горизонт слепящей паутиной. Вместо грома слышалось какое-то шипение, треск, и от этих звуков по коже бежали мурашки.

Через мгновение хлестнул ливень. С градом. Представительные граждане, совершенно несолидно толкаясь, полезли в машины. Купленные известно кем защитники озера нахлобучили на головы колпаки балахонов и бросились под защиту деревьев. Троица прикованных с нервным хохотом отстёгивала кандалы.

Илья невнятно выбранился (можно было различить только «погода» да «климат») и начал разворачивать машинку. Воды на дороге было уже по середину колеса.

– Куда теперь? – в голос справились пассажиры.

– Ко мне, ясен перец.

– Что ж, годится. Явочные квартиры для революционеров столь же привычны, как лесные поляны, – подытожил Никита.

* * *

Видно, если уж решила государыня История испытать крепость избранных ею человеков, так и не отступится за здорово живёшь. В огне, дескать, куются характеры. Подброшу-ка дровишек – авось, прямая польза для дела выйдет!

Не мытьём в Пятаке либо под ливнем, так катаньем по строительному котловану рядом с собственным Илюхиным двориком запахло для друзей.

Что там собрались возводить, для какой цели вырыли уродливую глинистую яму, к которой подводит наша повесть троицу героев, доподлинно неизвестно. Но яма присутствовала и была полна отвратительной рыжей грязи. А правильней выразиться, жижи. На краю ямы теснились гаражи-ракушки (крайний Ильи) и возвышались кучи щебня.

А ещё неподалеку раскинулась лужа. Безбрежная, величественная и, по-видимому, бездонная. Во всяком случае, проверять глубину желания не возникало.

Проход от гаражей к дому Ильи располагался в аккурат между бездонной лужей и заполненным грязью котлованом. Да только пройти не представлялось возможности. Десятка полтора наголо обритых крепышей в камуфляже стояли на единственном сухом перешейке. Две шеренги, ноги на ширине плеч и ручищи с закатанными по локоть рукавами за спину. На плече – подозрительные эмблемы вроде свастики. Взгляды бойцов были направлены на глиняный ров и полны звериной ненависти.

Перед строем прохаживался мужичок-боровичок в чёрном берете набекрень и пронзительно выкрикивал воинственные призывы. Судя по всему, бритым крепышам предстоял скорый штурм котлована. Выходит, не одна только История закаляет мужские характеры всякими пакостями.

– Эй, робята, посторонись. Нам пройти надо! – миролюбиво прогудел Илья.

Боровичок оглянулся на него раздражённо и рявкнул:

– У нас экстремальный тренаж.

– Хе, экстремальный! Ну полная попа! А у нас трубы горят, чуешь, родной? – слегка преувеличил серьёзность ситуации Лёха.

– Дар-рогу, бойцы! – раскатисто скомандовал Никита.

Бритоголовые бойцы от его профессионального комиссарского голоса заметно дрогнули. А на роже Боровичка нарисовался вдруг хищный интерес.

– Взвод, слушай приказ! – пролаял он с интонациями, чем-то непередаваемо похожими на Добрынинские. – Отставить преодоление болотистой преграды! Взять чурок и утопить в грязи!

– Чурок? – недоуменно проговорил Илья. – Каких чурок?

И тут бритые бросились в атаку.

Эх, лучше бы они Никиты послушались, право слово! Целей бы были.

Илья, встретивший противника первым, орудовал с бесшабашной удалью проникшего в овчарню матёрого волчищи. Он видел в каждом противнике того самого Хмыря, под которого ему предлагалось лечь, и доказывал, доказывал, доказывал своё подавляющее превосходство. Словно колол в охотку ровные осиновые полешки. Поленница выходила добрая.

Никита действовал экономно и расчетливо. Короткие движения его состояли из отработанных связок: подсечка-бросок-удар. В Краснознамённом Высшем военно-политическом имени Поссовета такую технику называли многозначительно, но уклончиво: боевое самбо. Ну а загляни в описываемый момент на поле брани знаток боевых искусств Востока, он немало поразился бы факту, что Добрынин вот так запросто демонстрирует самое тайное и смертоносное дзю-дзюцу Японии. То сокровенное дзю-дзюцу клана Мудимято, которому обучались лишь избранные императорские телохранители страны Нихон. Впрочем, смертей покамест не наблюдалось. Побывавшие в хватких Никитиных руках робяты лежали беспокойно, скулили и с ужасом смотрели на свои синеющие и распухающие с умопомрачительной скоростью локти, колени, запястья. Затем умопомрачение побеждало, и они проваливались в обморок.

Алексей сражался наиболее прямолинейно, но ничуть ни наименее эффективно. Метаемые его рукой куски щебня проделывали в рядах противника жуткие бреши, а на излёте косили растущие возле гаражей лопухи или весело прыгали по гладкой поверхности чудо-лужи идеальными «блинчиками». Подошедших чересчур близко бритоголовых Попов сносил размашистыми простонародными оплеухами. На лице его цвела вдохновенная улыбка поэта, у которого попёрла рифма.

Бой был закончен в считанные минуты. Лёха навесным мортирным броском сразил последнего улепётывающего противника – мужичка-боровичка, отряхнул от песка руки и гаркнул, переполняемым победоносными чувствами:

– Эх, позабавились!

– А я бы ещё пару левых крюков испёк, – мечтательно сказал Илья, произведя рукой грозное движение вверх-вниз. Словно взвешивал что-то тяжёлое.

Никита молча улыбнулся и, переплетя кисти, хрустнул пальцами.

Аккуратно перешагивая через поверженных робят, друзья двинулись к дому Муромского.

ГЛАВА 3
«В РОТ – КОМПЛОТ!»

В свои тридцать лет и три года ни разу не заведя семьи, Муромский, тем не менее, парнем – вековухой не слыл. Могучее тело, убойные лапы и вечно щетинящийся ёжик на сократовском черепе совершенно терялись за обширным румянцем, за беззащитным, по-детски кареглазым взглядом, за простецкой картофелиной носа. Наконец, за чистой и искренней, какой-то одновременно братской-отеческой-материнской улыбкой. Улыбка предназначалась хорошим людям. Улыбался Илья часто и с охотой, потому что хороших людей, на самом деле, очень много. Гораздо больше, чем это кажется при встрече по одёжке.

Людей нехороших Илья провожал с умом, с чувством и толком, теми самыми лапами.

Чаще других улыбка предназначалась хорошим людям из разряда sex female. Вот здесь-то уж, по Илюшкиным представлениям, плохих просто не могло быть: все они либо дочки, либо сестрёнки, либо мамки. Лёшкину классификацию «тётки» и «тётьки» Илья не признавал и при каждом удобном случае пенял ему за циничное отношение к последним. Дочки-сестрёнки-мамки (а хотя бы и тётки с тётьками) платили борцу ответными деяними, не лишёнными приятности. Как мы уже упоминали, возле него самые отъявленные, мучительно-прожжённые мужененавистницы внезапно распахивали заскорузлые души, сковыривали скандально-стервозный макияж и начинали ощущать себя закоренелыми нимфоманками.

Слежение за холостяцкой квартиркой Муромский безраздельно доверил сменяемым время от времени домохозяйкам. И не жалел об этом. Приходящие и ненавязчивые, хорошенькие прелестные люди содержали его хозяйство в образцовом порядке. Благо, уборка да готовка не являлись столь уж тяжким бременем.

Облегчала работу хозяюшек и индустриализация отдельно взятой Илюхиной квартиры всевозможной бытовой техникой. От комбинированной стиральной посудомоечной машины до утюга-пылесоса с вертикальным взлётом и со встроенным бортовым компьютером. Муромский справедливо полагал, что лозунг «Уважайте труд уборщиц!» должен стоять на одном из первых мест в моральном кодексе строителя демократии. Благодарные уборщицы, упоённые уважением, не сетовали, к примеру, на горькую судьбу матерей-одиночек, не пытались брать хозяина в плен или за кадык. В его отсутствие они просто занимались благоустройством.

Ну а чем уж они занимались в его присутствии, – бог весть. Любопытный читатель может, конечно, почерпнуть толику информации из историй о жизни истинных одалисок, куртизанок и гейш. Но помните, господа, секс лишь скрепляет узы дружбы между мужчиной и женщиной, а отнюдь не является базовым её компонентом.

И не стоит думать, что это ещё одна из сказок Шехерезады…

* * *

Дверь квартиры открылась под тихий звон колокольчиков. Пред глазами позабавившихся на славу воителей предстала то ли девочка, то ли виденье. Наполовину белокурая Жизель, наполовину огненная Кармен. В юбочке из плюша, с хлебом-солью в одной руке и пестрейшим опахалом для разгона пыли в другой.

Лукаво глянув на опешившую троицу, Жизель-Кармен нежным голоском пропела:

– К нам приехал, к нам приехал Илья-барин дорогой!

– Такая вот она у меня певунья, – смущённо обратился к товарищам Илья-барин.

– Инга. – Певунья присела в кокетливом книксене. Затем, вручив хлеб-соль Никите, а опахало Лёхе, обернулась к Муромскому: – Илья Николаевич! Ваше приказание выполнено. Жидкости во льдах. Твёрдости на углях. А мне подоспело время испариться.

С последними словами Инга подняла с полочки туфельки на умопомрачительных каблуках и легонько хлопнула ими по звонкому Илюхиному лбу. Илья перехватил обувку, наклонился и неожиданно ловко пристроил волшебные туфельки на не менее волшебные ножки.

Никита, только что оправившийся от растерянности, лизнул соль с каравая, браво звякнул несуществующими шпорами, вытянулся во фрунт и выкатил грудь колесом:

– Мадемуазель, же ву при силь ву пле сопроводить вас сей момент до вашего гнёздышка? На руках донесу. А то, знаете, хоть грязь к золоту не пристаёт, но всякие там продукты метаболического обмена собачек и кошечек, понимаешь, этта самое! О!

– Но-но, – заиграл крепкими, каждый с приличное яблоко, желваками Муромский. – Избавьте, Ржевский, мадемуазель от ваших притязаний. Ей вся дорога – подняться на один этаж. Да с её ножками, – он похлопал Ингу по тому месту, откуда ножки растут, – она вспорхнёт и не заметит вашего, поручик, отсутствия!

Пока огорчённый Никита заедал печаль караваем, инициативу перехватил Алексей.

– Дозвольте хотя бы ручку облобызать! На дорожку, так ск’ть, – в рифму попросил он и нарисовал опахалом таинственный знак.

То ли знак был волшебным, то ли ещё что, но к ручке друзья были милостиво допущены. После чего Инга отнюдь не по-дочернему расцеловалась с хозяином-барином и упорхнула в свои заоблачные выси.

– Прошу, гости дорогие! – Стоило Инге исчезнуть, Илья стал сама любезность и больше не выглядел ревнивцем-собственником. – Терема наши, конечно, убожеские, не княжеские, но пару-другую несумоистов втиснуть можно.

Говоря об убожестве теремов, Илья малость покривил душой. К вместительной прихожей примыкали три двери, ведущие в апартаменты различного рода. Помпезная высота потолков наводила на мысль о принадлежности строения к эпохе, когда и у деревьев были большие уши.

Как бы отвечая на немой вопрос приятелей, Илья подтвердил:

– Что делать, парни, живу, как придётся, буквально ютясь в пещерах. Если не ошибаюсь, домишко наш последний из жилых, оставшихся в Картафанове от довоенной элитной серии. Хрена бы я, конечно, такие хоромины отхватил на мордобойные заработки! Но это семейная реликвия. Деда били – не добили, бабу били – не добили. Тятька с матушкой проскочили. Осели на Северах, а я один-одинёшенек прозябаю вот в этом поганом ампире.

– Одинёшенек, говоришь, – ехидно осклабился Никита.

– Да боже упаси! – всплеснул ручищами Муромский. – Да чтобы я… Ни-ни! Ингочка ведь соседочка моя. Студентка-заочница. Приходит на компьютере поработать. Всё равно он мне почти без надобности, – жалко, что ли? Она, значит, на компьютере, а я в спортзале. Всё в спортзале. Не подумайте дурного. Полюбуйтесь-ка! – И в доказательство своих слов он гостеприимно раскрыл одну из дверей.

Это был спортзал! Не комната, нет. Во-первых, строители прошлого умели строить не только каналы: пространство пять на пять, с потолком чуть не под четыре метра, впечатляло. Во-вторых, заставлено оно было под завязку. Турник, гимнастические брусья, жуткого вида макивара. Разнокалиберные груши и фантастические тренажёрные конструкции, по сравнению с которыми всемирно известные кеттлеровские спортивные агрегаты выглядели пригодными разве что для ясельно-ползунковой группы.

Добрынин присвистнул:

– Да, брат, согласен, Инги тут неуместны. Это тебе не дрова колоть, не в колокол звонить.

– Для Инг у него, паря, местечко тоже того… Не хуже оборудовано, – хихикнул Алексей. – Хотя, пёс его знает, может, и здесь временами в спарринге трудятся. Спортсмены, они ж такие выдумщики!

Илья покраснел и замахнулся на охальника страховидным кулачком.

– Балабол! Не слушай ты его, Никит. И вообще, сколько можно возле порога топтаться? Пойдёмте лучше посидим, покалякаем. Потом можно будет забежать сюда на перекур, встряхнуться. Кое-кому, – он с шутливой угрозой глянул на Лёху, – спарринг устроим.

Попов сказал «фиг вам, Илья Николаевич» и соорудил в подтверждение дулю.

В отличие от спортзала, гостиная была полна контрастов. В дальнем углу, подле антикварных кресел притулился вышеупомянутый компьютер. По всем остальным углам с нарочитой небрежностью были расставлены колонки акустической системы. Весьма и весьма представительные. Шкафчик-стеллаж по соседству с диваном содержал, навскидку, не менее тысячи музыкальных дисков.

Добрынин опять одобрительно присвистнул.

– Добрая берлога! Музыке здесь, как вижу, всяческий почёт и уважение?

– Ага, – подтвердил Лёха, падая с маху на диван. – Мне тоже нравится. Сюда вались, Никита, здесь самое острие сарраунда.

– Сейчас, сейчас, – Илья по маковку влез в шкафчик, – где же он у меня? Ага, вот он. Мужики, я пока столик организую, а вы послушайте человека. Жеглова вчера последнего прикупил. Полный абзац!

Включив проигрыватель, он ускользнул на кухню. А комнату наполнило дребезжание слегка расстроенной гитары. И далёкий от попсовости мужской голосина взревел во всю мощь, заставив гостей оцепенеть, забыть про игривое настроение и про мелкие бытовые неурядицы и слушать, вслушиваться, впитывать каждое слово:

Как засмотрится мне нынче, как задышится?
Воздух крут перед грозой, крут да вязок.
Что споётся мне сегодня, что услышится?
Птицы вещие поют – да всё из сказок.

……

…Я стою, как перед вечною загадкою,
Пред великою да сказочной страною —
Перед солоно да горько-кисло-сладкою,
Голубою, родниковою, ржаною…

Песня закончилась. В комнату вкатился столик. Илья, заметив задумчивые, серьёзные лица приятелей, довольно спросил:

– Что, пробирает?

– До селезёнки, – подтвердили слушатели.

– То-то. Я когда его случайно услышал на «Русской волне» полгода назад, все пороги оббил в нашем музшопе. И ни фига. Потом уже ребятишек застроил – они с соревнований привезли два первых альбома. Из самого Клязьмограда. А здесь вообще свежьё. Сам-то я давненько русский бард-рок слушаю, но этот – отдельная статья. Просто матёрый человечище. Правда, знакомец один упоминал недавно какого-то СашБаша. Что-то где-то слыхал вроде квартирного сейшена в Черемысле, – тоже, мол, добрый молодец. Не знаю, не скажу.

– Илья, етить твою, и ты молчал, баобаб ты по пояс деревянный! – попенял ему Алексей. – Как, говоришь, его кличут?

– Жеглов. Жеглов Владимир Глебович. Прошу любить и жаловать.

– Уже любим. Уже жалуем, – задумчиво произнёс Добрынин и повторил медленно, как бы пробуя строки на вкус:

Грязью чавкая жирной да ржавою,
Вязнут лошади по стремена,
Но влекут меня сонной державою,
Что раскисла, опухла от сна.

– Нет, ну ведь надо ж так, а? – он покачал головой. – Жеглов… Жеглов. Знакомая какая-то фамилия.

– Да он, насколько мне известно, артист. По-моему, в клязьмоградском Театре-на-Лубянке. Может, где и в киношках засветился. В «мыле» там или в блокбастарде?

– Нет, не могу припомнить. Но шарит реально. Что да – то да!

В этот момент хозяин заведения щёлкнул пальцами:

– Мужчины, а не пора ли нам пуститься в разнос? На бис мы с вами, думается, обязательно сегодня споём. Но позже. А сейчас рекомендую обратить внимание на скатерть-самокатку. Оцените, какие разносолы Инга смастерила.

Разносолы были самое то, что нужно. Исполинская курица, запечённая верхом на бутылке, груда золотистой запечённой же картошечки. Охапки разнообразной свежей зелени, корнишоны размером с детский мизинец, ароматнейшая копчёная грудинка. А ещё – изрядная миска столь аппетитных солёных рыжиков, что остальные продукты на фоне их казались самое большее сублимантами.

Алексей, сам заядлый грибник, обалдело развёл руками:

– Вот, значит, как! Не все, видать, природные богатства утекают к буржуинам, ой, не все! Не, ну глянь, один к одному. Муром, ксеришь ты их, что ли?

– К буржуинам? – развеселился Илья. – Погоди-ка.

Продолжая похохатывать, он вышел на кухню. Вернувшись, протянул другу затейливо разрисованную пустую банку.

– Читай, кудрявый. Видишь, внизу м-е-еленькая строчка: «Импортёр – Руссия, штат Черемысль». А выше, покрупнее: «Маде ин Франса». Усёк, нет?

– Не вполне.

– Тогда следи за комментарием. Наша братва на грибоуборчных комбайнах всю эту рыжую ботву подчистую скашивает и угоняет в Европу. Потом другая братва, типа руссо туристо, которая там отдыхает, видит в лавках эту хрень и ради хохмы волочёт её к нам назад. Сувенир, дескать. Дальше байка о галльских рыжиках расходится среди корешей, и самого юркого кореша прибивает на эврику: есть, ё, белые пятна в отечественной экономике! Так закрасим их оранжевым! Тут же во Франсу летит экспедитор и скупает товар на корню. Операция, естественно, встаёт умнику в копеечку. Потому что далеко не каждый средний европейский буржуин может позволить себе раскошелиться на подобный деликатес. Но здесь-то русская копеечка оборачивается офигенным еврорублём! Берут ведь отечественные буржуины импортные рыжики в маринаде. Ещё как берут! А за ценой не стоят. На фига, если базар о понтах.

– Ловко ты всё по ступенькам расставил, – удивился Никита. – А откуда сокровенные знания? Самому в операции довелось поучаствовать?

– Не. Мне про этот круговорот грибов в народе Инга рассказала. Родственник у неё в рыжиковом бизнесе каким-то боком завязан. Она же и баночки мне иногда подбрасывает, сердобольная душа. Короче, мужчины, грибки действительно наши, кондовые. Под них и

предлагаю уже начать, благословясь. В смысле, не открыть ли нам для себя случайно бутылочки водки, братцы?

– Давно пора! – с энтузиазмом согласились братцы.

Илья достал водку из ведёрка со льдом и разлил по классическим гранёным стаканам. Стаканы тут же аппетитно запотели.

Попа восхищённо покачал головой, перетирая грибную историю:

– Отсюда – туда, оттуда – сюда. Ну мазефакеры, всем мазефакерам мазефакеры! Просто мазе-фазе-систе-бразе-факеры! Готовый материал на Пулитцеровскую премию.

Трое хороших людей, с приязнью поглядывая на стол и друг на друга, одновременно подняли стаканы, одновременно чокнулись и, проговорив «За знакомство!», одновременно забросили блаженные ледяные полтораста в разгорячённые адреналином организмы.

Надо ли говорить тебе, просвещённый читатель, что вторая ёмкость без перерыва на зажёвывание покатилась следом за первой. Под традиционным лозунгом «за отсутствующих дам!».

– Эх, Илюха, – по-доброму позавидовал Алексей, проталкивая слова сквозь плотный слой рыжиков, – повезло тебе с соседкой. И румяна, и бела, и порядок навела.

– У хозяина с хозяйством хороши при ней дела, – поддержал Никита. В отличие от Попова он щёлкал экспортно-импортный продукт как семечки. Вилка деловито сновала туда-сюда. Грибки еле успевали прощально хрустнуть в полноценных зубах и рысцой, в колонну по одному, устремлялись вдогонку за ускакавшей в авангарде водкой.

Илья, отдирая у истекающей жарким соком курицы ножку, заметил:

– Большому рту и куски радуются! А насчёт Инги, дети мои, – он назидательно вознёс кверху куриную конечность, – зависть в вас чёрная, непотребная говорит. Грех на вас, сукины вы дети. Отношения полов – это вам не наука, или какой-нибудь завалящий опыт. Это, братья, от рождения. И находится, главным образом, здесь. – Муромский похлопал себя по широченной груди, где, судя по объёму, многое могло разместиться. – А не там, где вы, богопротивные, полагаете. Не в репе и не в репице, стало быть!

Лёха, услыхав столь великую истину, даже перестал метать в себя корм и, пригорюнившись, хватанул ещё водки. Машинально.

– Что ж мы такие-сякие несчастные да бесхозные! И сами-то альфонсы – не альфонсы. И живём-то с приживалками – не приживалками.

– Тебя окрутят, а ты не женись! – несгибаемый философ Никита достал «Беломор» и вопросительно посмотрел на хозяина.

Тот отрицательно покачал головой:

– Всё, что угодно, мужики, вплоть до свального греха с пришлыми сестрёнками. Но табачища дымного – ни-ни! Лёшка вон знает, сам не курю, и воздух стараюсь держать чистым хотя бы у себя в хате. Да и курите-то, срамота глядеть, чистую бормотуху. Ну что ты трясёшь «Ронсоном», пижон? А ты, Попчик! Можно сказать, конструкторский гений, без пяти минут Нобелевский лауреат, а сколько тебя помню, одну «Приму» смолишь! Примат ты и есть примат. Марш вон – в кусты, в овсы. Или… эх, гулять, так широко. Загаживайте мой озонированный балкон, чего там!

Ничуть не пристыженные хозяйской тирадой курцы-огурцы, пряча лукавые усмешки – Никита в усы, Лёха в кулак – двинулись на балкон.

Илья почесал репу, да и мотнул следом.

На балконе Добрынин вытянул из пачки нестандартно длинную папиросину, зачем-то понюхал и плавно помахал перед носом Муромского наподобие дирижёра-любителя.

– Продолжим дискуссию о табаках. Ты, боец, оказывается, плоховато знаком с комиссарским делом. Посему стоять вольно, но слушать чутко. Обороноспособность страны зависит от обороноспособности каждого офицерского организма. В связи с чем у нас в училище

был спецкурс по адаптации к алкогольно-наркотической зависимости. Вкратце это выглядит так: сначала у курсанта скоренько вызывают привыкание к обширному глюко-токсичному спектру. Поочерёдно табаки, алкоголь, «колёса», «ширево», «косяки», эфирные масла, чёрт-те что! После чего шокирующими методами вроде пыток доводят организм до иммунитета.

– Как?

– А так. Представь себе, боец, что ты в нокауте. Только собрался спасительно отключиться, а тебя выдёргивают назад и – хрясь! – снова в нокаут. И ещё раз. До тех пор, пока ты либо научишься держать удар, либо сломаешься, и тебя навсегда унесут из бокса со слюнями по колено. Приказано выжить, одним словом.

– Ты-то выжил? – громыхнул смешком Илья. – Или того-с?

– Этого-с! – возразил распалённый Никита. – Не только выжил, боец! Ещё и применил опыт на благо службы. Комиссары по замыслу обязаны быть ближе к народу. Чтобы тянулся он к нам, доверял. Слушай пример. Идешь, бывало, с проверкой по боевым постам. У вчерашних-то мамкиных пацанов в ожидании врага настроение не самое героическое. Мягко говоря, люто прогрессирующий мандраж. И спасаются от него кто чем может. Ну, дурью всякой. Подходишь к одному: он тебя увидел, «косяк» свой фуфлыжный в хайло заныкал и вытягивается рьяно – думает, что пронесёт. Ан нет, не пронесёт. Дым-то из ушей предательски тянется. А я бойца эдак ласково спрашиваю: что, мол, молчишь, солдат, щёки надул? Фигню всякую про меня думаешь? Вытаскиваю, конечно, из него эту дрянь вместе с зубами и тут же предлагаю свой качественно заряжённый «Беломор». Посидим с ним потом, погутарим – за мамку, за подружку, за жизнь его «фазанскую» на гражданке. И глядишь, депрессуху у пацана будто рукой снимет. Стоит как штык. Грудь бубном, в глазах огонёк, ружьишко больше ходуном в ручонках не ходит. Любо-дорого смотреть. Так-то вот побродишь, с одними чифиру дерябнешь, с другими какой-нибудь «тормозухи». От меня-то не убудет – иммунная система выдрессирована. Зато боевой дух у войска – ого-го! И самому отрадно. Думаешь: эх, комиссар, ну и молодчина же ты – чисто слуга царю, отец солдатам!

– Всё равно, «Беломор» – дрянь.

– Ага, вот мы и подобрались к следующей тайне армейских конюшен, любезный наш хозяин. Иммунитет иммунитетом, но ничто человеческое, как говорится… Сам понимаешь. Жизнь надо любить? Да и как не любить её за вкусные напитки или за качественный табачок. За качественный, брат, повторяю особо! Покупаю я, к примеру, в эксклюзивной табачной лавке ароматнейший эксклюзивный же табачок, набиваю им «беломорские» гильзочки и прусь от аромата. Реально прусь. И заметь, окружающие ведь прутся. Так и тянутся носёшками, токсикоманы проклятые! Красота. Снаружи патриотический декор, внутри – услада бронхов.

– Что ж, военный, уел ты меня! – Илья торжественно пожал Никите руку.

– Подожди, сейчас я тебя уем! – лихо пообещал Алексей. Достал «примину» из заветной пачки, прикурил и, глубоко затянувшись, выпустил густую струю дыма в направление Муромского.

Тот осторожно повёл носом и изумился:

– И ты, брат! Ты-то как туда засовываешь? Я понимаю, папиросу ещё можно при известной сноровке набить…

– Неумёха! – пожурил друга Попов. – В той же табачной лавчонке в большом ассортименте имеется папиросная бумага. Сворачивается быстрей, чем Никитин «косяк». Ладно, он военный, приученный, что народ к нему тянется. А меня наоборот эти народные «стрелки» на улицах достали. Лень им, поганцам, сто метров до киоска пройти. Буксуют на своём «пятачке» и «стреляют» у каждого встречного. Когда только накурятся, сволочи? А я им – дубликатом бесценного груза – краснознамённую пачку «Примы»! Нате, угощайтесь. И

абзац, опресневели мужики. Случалось, даже денег предлагали, чтобы спрятал худой табачишко, не позорил родной городишко.

– И мне как-то предлагали, – хохотнул Добрынин.

– А зимой тут, вообще, попа была, – оживился Лёха. – Новое казино тогда открыли. «Красный куш», на углу Чекистов – Бродского. Филиал Черемыслевской сети. Ну, охранников понагнали. Видимо, оттуда же, из центра. Все мордастые, бдительные. Один на фейс-контроле с пищалкой, другой возле гардероба трётся, косит лиловым взглядом, не спрятан ли под смокингом гексагеновый жилет. Сдаю, значит, доху я на меху я, достав предварительно из карманов курительные аксессуары. Этот баклан как увидел мою пачку, взвился, ножонками засучил. «Простите, – голосит, – сэр, у нас здесь такое не курят. Мы не имеем права вам позволить! Здесь приличные люди». И понёс, понёс пургу о том, какие у них можно заказать бомондские сигары. Вместо «Примы».

«Труха, – говорю я ему спокойно, – труха ваши сигары». А народ уже начинает вокруг нас собираться. Лица, по большей части, знакомые. Лыбятся и, хорошо меня зная, предвкушают шоу типа балаган. Тут вывёртывается из чрева казино ихний менеджер или какой ещё полубосс. И тоже давай грузить насчёт несовместимости и недопустимости. Самое, значит, настало подходящее время учить хмырей уму-разуму. Огляделся я, вижу, неподалёку стоит неплохая такая, фигуристая тётенька и пялится на нас с «Примой». В глазах очевидное омерзение. «Хорош, – говорю я полубоссу, – из пустого в порожнее переливать. Давайте уж дефактами меряться, что ли? Возьмём, например, ту глазастую мадаму в судьи. Вы, почтенный, закурите вашу самую замечательную сигару, я – свой запретный плод. К кому Фемида рыльце поворотит, тот чемпион. От кого отвернёт, тот само собой, обгадился». – «О’кей», – говорит полубосс. Ну, тут ему почтительно подносят расфуфыренную упаковочку. Он её минут пять любовно разворачивает, эстет хренов, ножничками чуть не золотыми обрезание проводит. Пассы с ней у себя под носом делает, престидижитатор. Ну закурил, в конце концов. И я закурил. Между нами расстояние метра три. Фемида посередь нас: одной ноздрёй мой дым апробирует, другой – сигарный. Смотрю – та, дальняя от меня ноздря начинает мало-помалу кукситься, пошмыгивать и подвигаться в моём направлении. Мордашка судьи тянется, соответственно, за ноздрёй, потому что физиология человека отлична от слоновьей. Нейтральное судейское выражение сменяется блаженным, и она уже не столько судит, сколько внюхивает меня с моей сигаретой целиком. Типа «я – твоя, чего же боле». Точка. И даже восклицательный знак. Часть публики взрывается аплодисментами, другая овациями, третья попросту рукоплещет. Полубосса с его вохровцем долго пинают ногами где-то в кулуарах. А меня вместе с «Примой» и фигуристой тётенькой тащат на руках в красный угол. Вечер удался. Ви а зе чемпионс!

– Во! – Муромский показал Попову большой палец. – Готовый анекдот для вечности. Не премину упомянуть эту историйку в мемуарах.

– Поверят ли? – усомнился Никита.

– Мне-то поди поверят.

– Вы, парни, только не подумайте, что я жлобяра, – сказал Попов. – Ну не люблю я хамов и отморозков. Как-то надо их размораживать уже. Если не я, то кто? И фильдеперсовые сигарки ношу больше для куража да представительства. Дома и на работе употребляю исключительно оригинал.

Лёха замолк. Взгляд его сделался вдруг тоскливо-отсутствующим.

– Кстати, о работе, братишки… Почему я сегодня не на работе, а? Мать-перемать, ругаться хочу! Вы тоже нынче не при делах? Вольные птицы, да? Ну и подумаешь! Может, Алексей Попов больше вас безработный. Он, может, теперь со своей гордостью на свалке истории валяется.

– Лёха, ты чего блажишь-то, – забеспокоился Илья, обнял друга за плечи и повёл к заветному столику. – Какая свалка? Наша компания, что ли? Да это, понимаешь, вовсе даже национальное хранилище драгметаллов. Целая «Алмазная палата».

А Никита, наскоро загасив окурок, рявкнул с комиссарской прямотой:

– Сбросить уныние с паровоза современности, боец!

Лёха вздрогнул и слегка распрямил поникшие плечи.

ГЛАВА 4
«В РОТ – КОМПЛОТ!» (окончание)

Когда справные молодые люди в процессе пития в доброй компании подбираются к пол-литровой отметке (каждый), разговор по славной русской традиции неизменно сворачивает с политеса на Большую политику. Не избежал подобной участи и наш триумвират.

Прихлёбывая вкусный водочный напиток, мужчины выслушали безрадостное повествование Попова о том, как он оказался там, в чём находится.

Похрустели корнишонами. Помолчали каждый о своём. Первым скорбную немоту поборол Илья:

– Ну что я тебе, Попчик, могу сказать? С бильярдом ты, конечно, сам забил на своё счастье. Зачем уж так-то было дурить? Всегда можно удержаться в рамочках…

– Это ты у нас один такой, – пробурчал Алексей, – можешь держать себя в рамочке.

Он кивнул на застеклённую настенную фотографию, где улыбающийся хозяин держал аж три чемпионских пояса.

Друзья рассмеялись.

– Эх ты, словоблуд! – пожурил Муромский. – Ладно, пёс с ними, с рамочками. Вернёмся непосредственно к полотнам. Ты, Лёш, на электронике и прочих хитрых полупроводниках собак съел побольше, чем весь корейский народ. Да плюнь, в конце концов, на свою контору.

– То есть как это – плюнь?

– А слюной. Когда я ещё говорил, что разбрасываешься ты мозгами. Что за кидалово такое, в самом деле! Да любое буржуйское предприятие за тебя ухватится всеми пальцами, не исключая тех, что на ногах. И бабок навалит по самые помидоры! А может, и по адамово яблоко. Что, разве не так?

– Так-то оно, положим, так. Да только…

– Никаких колебаний! – Илья яростно погрозил Попову пальцем. – Никаких! Вперёд, на просторы мирового интеллектуального океана! Что, на Картафанове свет клином сошёлся?

Он строго осмотрел комнату, словно отыскивая след картафановского светового клина. Безрезультатно.

Никита, повинуясь внезапному и неодолимому как чихание стремлению помочь Муромскому в поисках, заглянул под стол. Светового клина не обнаружилось и там. Зато обнаружилась початая бутылка водки «Государыня Императрица». Кто её туда запрятал, было не вполне ясно.

«Государыня Императрица» была извлечена и водружена на подобающее столь царственной особе место. Как раз между остатками рыжиков и заскучавшей одноногой курицей. Другую ножку слупил Илья ещё в четвертьфинале пированья.

– Отвечай же нам, электрическая душа! – потребовал Илья у Попова.

– Не кипятись, мальчуган, – Лёха примирительно ткнул семипудового мальчугана в плечо. – Говорил, говорил… А я тебе не говорил, что просто хочу заниматься любимой работой? Здесь, а не у буржуинов! И реального воплощения своим идеям желаю. Чтобы овеществлённые, так их разэтак, результаты руками можно было потрогать. И сказать: да, брат Попов, недаром тебя отчизна поила берёзовым соком и кормила ситными калачами. Да разве ж я один такой?

– Не один. Здесь – три лучших представителя поколения, – уточнил Никита. – Возражения? Отсутствуют? Тогда – по полста!

Полста поглотились единым махом.

– Кстати, товарищи бойцы, лично я нахожу сегодняшнюю ситуацию странной. – Никита со сноровкой ветерана, рассыпающего порох по пороховницам, вдругоряд разлил по стаканам. – Поглядите, в какую поленницу делишки-дровишки складываются. Один к одному. С Ильёй я знаком несколько недель. С тобой, Алексей, всего несколько часов. А ощущение – как будто мы с яслей вместе. А отчего?

– Ну, так мы же все хорошие люди! – приосанился Муромский.

– О! Кучно положил. В самое яблочко! Врежем по поводу?

– Об чём речь, – заулыбались Илья с Лёхой.

Врезали. Поскольку темы пошли серьёзные, а заедать такие имеет смысл только строганиной из медвежатины, обошлись вовсе без закуски.

– Продолжаю доклад. Итак, при здравом размышлении поражают три момента. Первый. Случайно, вдруг, мы разом оказались безработными. Разом! Второй момент. Случайно, вдруг, сошлись в одно время в одном месте. И, наконец, третий. Вот вы меня уважаете?

Возражений на этот счёт не последовало. Последовало лишь предложение наполнить звонкие чары. Что и было проделано немедленно.

– И я вас уважаю, – сказал Никита, катнув опустевшую бутыль из-под «Государыни Императрицы» в угол. – Видите, мы – опять же вдруг! – оказались взаимно уважаемыми людьми. Вот какие совпадения. Предлагаю выпить за подарок судьбы. За то, что она подкинула нам одну из великолепных загадок, ради которых мы и любим нашу жизнь!

– Ну ты даёшь! – восхитился Лёха. – Чисто Демосфен! Как по писаному чешешь.

– А что, – скромно заметил Никита, – и по писаному. Или я не писюк?

– Звучит нехорошо, – поморщился Муромский. – Может, лучше письменник, а?

– Лишь бы не язвенник, – согласился Никита. – Кстати, бойцы, давайте-ка учтём ряд случайностей, которые на нас сегодня навалились. Помните, при встрече прозвучала фраза о Мировом, с заглавной буквы, Зле? К чему бы оно, а? И потом, эти как чёртики из коробочки выскочившие гринписовцы. Гроза эта среди ясного неба. Военные маневры в отдельно взятом жилом массиве. Ну? Как после всего этого мы, трое временно безработных благородных джентльменов, можем сидеть, откушивать-закусывать и делать вид, что мы не вляпались в ситуацию, которую пора уже разруливать?

– Комиссар, тебе бы в Генштабе работать, главным аналитиком. – Илья вскочил с места и заходил по комнате, время от времени отвешивая воображаемым соперникам беспощадные апперкоты. От знакомства с «Государыней Императрицей» грации в его движениях заметно поубавилось, зато размашистости прибыло. – Слышь, мужики, а ведь верно, что-то надо делать. В смысле, всех делов не переделаешь, хотелось бы уже и поработать! Почему бы нам и не пошалить, не побезобразничать, так сказать? Лёшка, давай для начала хоть с твоей конторой разберёмся, что ли. Кто там у вас разбрасывается кадрами и разваливает производство?

Попов в великой задумчивости двумя руками враз почесал затылок.

– Ну, я точно не знаю… В администрации много стоящих парней, но на них давят.

– Из-за бугра, небось? – заинтересовался Добрынин. – Агенты вражеских разведок?

– Шутишь. Да наши. Эффективные, блин, манагеры. А сейчас таких – через одного. Что ж мы, всех подряд мочить будем, что ли?

Муромский с хищным весельем посмотрел на кулаки:

– Уж мы яблочки мочили-мочили…

– Погоди, Илюха, паровой молот разгонять, – сказал Никита. – Тут надо бережно. Хирургически либо технически. – В глазах Добрынина запрыгали чертенята. – Пьеса «Ревизор», смекаете? Классика, она штука вечная, парни. И реальная.

– Это как? – заинтересовались друзья. – Конкретизируй, товарищ политрук.

– Допустим, мы добываем себе ксивы скромных чиновников. Каких-нибудь непрезентабельных, но решабельных ведомств. Типа санэпиднадзор, пожарные там, комитет по землевладению. Налоговая, если получится. Думаю, как пропуска в кабинеты они вполне сгодятся. А уж внутри кабинетов мы найдем, о чём поговорить с хозяйчиками.

– И как поговорить, – кивнул Муромский и снова обозначил серию коротких прямых по корпусу, завершившихся «крюком» в печень.

Лёха задумчиво постучал ногтем по гранёному боку опустевшего стакана.

– В принципе, звучит соблазнительно. Только кто нам эти документы оформит? Фальшивки-то долго не продержатся. А настоящие достать тяжеловато.

– Тяжело в учении, легко в очаге поражения, – заметил Никита.

Илья кивком выразил согласие с военным и энергично потёр ладони.

– Э-э, Попец, как раз тут есть пространство для маневра. Хорошими людьми земля полнится. Авось и раздобудем настоящие. Никита, перчила ты этакий, мне нравится идея. Стоит даже обмыть.

– За, – лаконично выразился Добрынин.

– Так и я не возражаю, парни, – сказал Лёха. – Обмыть, так обмыть. Только не забывайте, мы ж без-ра-бот-ные. Нет работы – нет денег. Нет денег – нет аусвайсов. Нет аусвайсов – кабинеты на клюшке. Кругом марш. Круг замкнулся, кружок закрыт. А денег – нет. Какая попа нам их даст? У кого-то есть глубоко закопанные фонды?

– Стройся, боец Попов, – рявкнул Никита. – Равняйсь. Смирно! Равнение на валютовладельца Муромского!

– В смысле?

– В том смысле, что Бакшиш ему должен пять штук «подорожных».

– А ведь точно! – обрадовался Илья. – Хо-хо, зимогоры! Зовите меня Ротшильд.

– Ага, добрый Бакшиш мало того, что теряет бой, ещё и отрывает от себя пять штук! – не сдавался Попов. – Фантастика.

– Он слово джигита дал!

– Ладно, пусть он и подкинет Илье эти копейки. Но, парни, пять штук – слёзки.

– Что ж, Алексей, тогда будем проводить в жизнь политику реваншизма. – Никита обнял Попова за плечи. – Разорять местное Монте-Карло с помощью твоего золотого кия. Слабо?

– Ну-ка, ну-ка… Реванш, говоришь? Герку Немчика раскатать вместе с его присными? Гм, не пресно. В этом уже кое-какой резон имеется!

– Не кое-какой, а какой надо, – подначил его хитрый комиссар.

– Да уж, да уж… А если проиграю, кием бить не будете? – деловито осведомился прожигатель зелёного сукна.

– По обстоятельствам, – туманно ответствовал Илья.

– Какой стих нападет, – согласился Никита.

– Эх, была – не была, бейте. Зато в случае успеха минимум один к десяти обещаю.

– Видишь, как всё удачно складывается, – обрадовался Муромский. – Жизнь потихоньку налаживается, собака такая! И погода распогаживается. Эгей! Пора, значится, воздухом ночного Картафанова митохондрии угостить.

– Через папиросочку, – внёс поправку Никита.

Компания вышла на балкон. С покрытого чёрным лаком неба заговорщикам подмигивали слегка расплывающиеся и покачивающиеся звёзды. Город внизу доживал последние часы царствования беспредела, совершенно о том не подозревая.

Да что город – вся бескрайняя страна елозила, укладываясь поудобнее. Но рассвет был зачат и начал зреть. Сердце его, трёхкамерное, пылкое, могучее, пульсировало на Илюхином балконе.

* * *

Вернувшись в комнату, друзья, не сговариваясь, расселись поодаль от стола. Их молодые тела насытились, теперь пищи просили души. Илья, чутко осознав, какая потребность скрыта в молчании, снял со стены гитару и предложил:

– Споёмте, друзья, ведь завтра в поход!

– Это дело я люблю, – Никита взял в руки инструмент и провёл по струнам. – Эх вы, гусли-самогуды, ноги-самоплясы.

– Ишь ты, гляди-ка чё! – обрадовался хозяин. – Тоже игрун, значит? Ну сейчас мы тут джем-сейшн устроим. Погодите минутку.

Впрочем, отсутствовал он куда меньше. Появился, неся ещё две гитары, одна из которых была очень уж изящной, с пышным бантом – определённо дамской. Её-то он и облапил нежно, передав вторую Лёхе.

Трио дружно забренчало, подстраиваясь друг под друга.

Добрынин начал наигрывать что-то мелодичное и до боли знакомое.

– Знаем, знаем, – подыграл ему Попов. – Старинная юсавская песня «Хотел в Калифонью». «Иглз», по-моему.

– Ну а чем мы не трио орлов-бандуристов? И мы можем.

– Не, Лёшка, давай-ка лучше нашу старинную.

– «Песню про кабанов»?

– Точно.

Дамская гитарка под мышкой у Муромского выглядела как балалайка. Тем не менее, звук он извлёк из неё – самый что ни на есть зажигательный:

Исстари ря́дится с делом потеха:
Мол, без потехи царил бы бедлам.
– Добрая чарка коню не помеха, —
Ну так и хрена ли нам, кабанам!

– Так эту я знаю! – обрадовался Никита. – Мы её в морге на посиделках постоянно пели.

– Ну да, можно сказать, ваш профессиональный гимн, – Алексей подмигнул ему. – А ведь все народные песни выходят из народа.

– Лёха у нас тот ещё физик-лирик. Самородок-самописец! Он в своё время, в студентах много чего народного понаписал, вагант.

– Да будет тебе, – смущённо отмахнулся Попов. – Поехали, что ли?

Звон трёх гитар и рёв трёх крепких глоток заполнил, казалось всю Вселенную:

Хваткие руки повиснут, как плети,
Ходкие ноги сплетутся узлом:
Ты напоследок промчишься в карете,
Скромно помеченной красным крестом.

Шмякнув тебя на разделочный столик,
Хмурый прозектор нацедит сто грамм
(Не разводя): «Будь здоров, трудоголик,
Пусть не товарищ ты нам, кабанам!»

Белое, плотно-добротное тело.
– Что ж ты, засранец, его разложил?
А ведь сумей ты отвлечься от дела —
Родине б нашей служил да служил!

Без регулярных естественных сбоев,
Без разгильдяйства внутри кабалы
Дело – подрыв древнерусских устоев:
Это не дело, друзья-кабаны.

Делая дело, в спонтанном запале
К лёгкой потехе всегда будь готов;
Если уж чарка конягу не валит,
То уж, конечно, не нас, кабанов!

Дело гундит, что берёт тебя в долю,
Щуря лукавый, с хитринкою, глаз.
Помни, оно потешается вволю,
А не какой-нибудь грёбаный час.

Счастье не в водке, не в папиросе,
Но и не в вареве дел и забот:
Не отключаетесь? – милости просим
В гости к прозектору, в рот вам компот!

– «В гости к прозектору, в рот вам комплот!» – продублировал последнюю строчку самобытный народный автор Попов.

И вся честная компания загомонила:

– Комплот! Комплот! Вот оно, наше, исконное, посконное! Гип-гип, ура! Выпьем, что ли, где же кружка!.. Хоп, а где же поллитрушка?

Озадаченный Илья пошарил под столиком, зачем-то помешал лёд в ведёрке.

– Не пойму, мужики, что за полтергейст такой. Точно знаю, была пятая бутылка.

Никита вспомнил недавнее обнаружение «Государыни Императрицы» под столом, и хмыкнул. Чудеса! И впрямь полтергейст.

– Не полтергейст, Илюшенька! – прозвучал вдруг серебристый женский голосок.

Воцарилась кладбищенская тишина. Минута молчания в память о товарищах, опалённых белой горячкой. Приятели с немым укором разглядывали друг друга.

– Ну и кто из вас хренов чревовещатель? – Илья, спасовав перед пыткой неизвестностью первым, навис над соратниками всплывшим на полную высоту айсбергом.

В комнате снова прозвенело серебро:

– Ну, дают, пьяницы! Чревовещание выискивают. Опомнитесь, горлодёры! Вы ж простые пьяницы, а не кастрированные. Где уж вам с вашими чревами чугунными извлекать меццо-сопрано вроде моего? Побойтесь бога, молодцы.

– Так, значит… Глюки. Кристофы Виллибальды Глюки, – пробормотал ошарашенный Лёха.

Сохранивший некоторую трезвость рассудка Никита, сканируя профессиональным взглядом замкнутое пространство, продекламировал нараспев:

– Ах, откройся, молодица, стань нам названой сестрицей.

– Или это… тётушкой родной, – подхватил Лёха.

– Короче говоря, гостьей дорогой, – заключил на правах хозяина квартиры Муромский.

– Ой, до чего же вы хорошенькие! – хихикнул Голосок. – Меня – и вдруг гостьей…

Обалдевшие приятели не заметили, как над столиком приподнялось ведёрко с льдом. Приподнялось и перевернулось. Кусочки посыпались – кому за шиворот, кому за пазуху.

– А-а, чёрт! – Илья быстро начал освобождаться от рубахи. – «Тут я понял, это джинн, он же может многое…» Совсем как у Жеглова. Всё-таки это полтергейст.

– Эх, Илюша, солнышко ты моё доморощенное. Не джинн и не полтергейст. Я Фенечка твоя. Феня.

– Фенечка – это что? Типа, колечко в ноздрю или пупок?

– Да нет же. Имя такое, древнерусское.

– Хорошо, хоть не Фёкла, – оправился от замешательства Добрынин. – А зачем ты, Феня древнерусская, водку нашу умыкнула? Неужто одна хлебать собралась? В жизни не поверю. Давай-ка, выходи, коль пошла такая пьянка. Выпей с нами.

Голосок выдержал паузу, как бы подыскивая нужные слова.

– Молодые люди, вы вроде бы уже протрезвели. Давайте разберёмся серьёзно.

– Да уж, давай серьёзно.

– Такие понятия, как домовой или ангел-хранитель вам о чём-нибудь говорят?

Илья пожал литыми плечами:

– Я, вообще-то, всегда считал, что домовые мужского пола. А персональный ангел-хранитель, конечно, круто, но неубедительно.

– Неубедительно? – Голосок, казалось, осерчал: – А как ты, молодой да интересный, катался всю жизнь сыром по маслу, не затрудняя себя бытовыми мелочами?

– Прости милая, но довод так себе, – возразил Илья. – «Сестрёнки» мои – они ж ух, какие работницы заботливые! Взять хоть Ингу…

– Ладно. А почему тогда ни одна красотка тебя до сих пор не захомутала? Ты, что ли, отбиваешься от вертихвосток этих?!

– Стоп, стоп, стоп, – примирительно поднял руку Никита. – Понятно, чего только в жизни не бывает. Женщина-домовой, или домовая звучит и вправду непривычно. Ну да пусть. Однако, судя по Илюхиной реакции, он-то до сих пор знать не знал о твоём существовании. То есть, ты, Фенюшка, как-то управлялась без этого вот сладкозвучного аудиовоплощения. Чего ж сейчас-то произошло экстраординарного?

– Объясняю кратко, но доходчиво. Видите ли, этот недотёпа достался мне в наследство от моей семьи, которая с незапамятных времён верой и правдой служила дому Муромских. И работы у нас постоянно находилось выше крыши. Потому что Муромские, они ж всегда в авангарде атаки. Но то были цветочки-завязи. Зато Илья ваш – самый, что ни есть, фрукт созрел. Энергию из меня сосёт как новорожденный телок, еле успеваю восстанавливаться. Вечные тренировки, боксы эти. Каждый противник только и мечтает Илюшеньку изувечить. Но больше всего приходится с его «сестрёнками», – в голоске Фенечки явственно прозвучал гнев, – возиться. Они ж, хищницы, только с виду независимые. А у самих постоянно вертится на уме: фата, колечки, Мендельсон. Потому я и не появлялась, всё ждала, когда же Илья образумится. Уж и не чаяла дождаться. А тут вы нагрянули, ладные да славные. Дело-то вон какое занимательное задумали. И ни одной проклятущей гарпии за весь вечер. Не радость ли, не славный ли повод выйти из подполья?

Илья слушал речи Фенечки-хранительницы с сомнением. Трудно в голове укладывалось сокровенное знание, ой трудно. И то сказать – всю жизнь думал, что сам зодчий своих успехов, а оно вон как оказалось! Он по-детски шмыгнул носом и спросил:

– Ну и чем же отблагодарить тебя, красавица?

– Чем, чем… Словами добрыми. И потом, теперь рядом с тобой товарищи, мне всё ж полегче будет. А сил подкоплю, смотришь, и помогу вам своим русским духом. По лбу там кого треснуть или в ухо свиснуть. Это у меня очень даже запросто. Или подскажу чего.

– Фенечка, золотце, а каким образом ты разговариваешь? – заинтересовался пытливый, как всякий инженер, Попов. – Телепатия?

– Да кто его знает. В одном я уверена точно: слышать меня пока что способны только вы трое. Теперь по поводу пропавшей бутылки, ребятушки… В морозильнике она. Только сдаётся мне, пить вы нынче не захотите. Некогда вам будет. Потому что спать пора. – Сменив интонацию и тембр на комиссарский, Феня скомандовала: – Рота, отбой!

Приятели переглянулись: «Вон как!» – и под руководством радушного хозяина, отчаянно зевая один другого шире, разбрелись по спальным плацкартам.

Сам Муромский, чтобы освободиться от алкогольной усталости посредством пары-тройки любимых упражнений, завернул в спортзал. Посмотрел на тренажёры необоримо соловеющим взором, крякнул преувеличенно бодро, да так и свалился на мат, едва успев подтянуть под голову вместо подушки толстейший блин от штанги.

ГЛАВА 5
ОБОГАЩЁННЫЕ ЗЛОМ

Промоутер Ильи Муромского Бакшиш страдал весь вечер. Бродил по своим палатам каменным, что трудами праведными не заработаешь, и маялся. Свет белый был ему категорически не мил. Не мила была и беляночка-Света, что ласковой зверушкой стлалась по его следу, уговаривая:

– Хоть винограду покушай, хорошенький! Хоть коньячку тяпни, родненький!

Прогнать дуру-девку – а с недавних пор законную супругу! – у Бакшиша рука не подымалась, язык не поворачивался. А только и терпеть причитания моченьки не было.

В конце концов, он забрал у готовой заплакать блондиночки коньяк и виноград, да и заперся в кабинете, созвав с собой семейную любимицу, таксу Груню. Там, улёгшись просто на полу, директор «Свинцовой перчатки» попытался трезво и взвешенно обдумать ситуацию со срывающимся точно альпинист с обледенелого склона боем Муромец – Хмырь.

Отчего трезво-то, спросите? Оттого что пить любимый двадцатилетний «Ахерон» сил не было! Во как оглушили Бакшиша Никитины комиссарские обертоны!

«Похоже на то, – уныло размышлял промоутер, трепля собачьи уши и катая во рту виноградину, – что горяченькие, почти уже лежащие в руках денежки распустили крылышки, и упорхнули».

Надо отметить, Бакшиш вовсе не являлся тупым громилой с отбитыми в давнишних спаррингах мозгами. В определённых кругах слыл он натурой поэтической и где-то даже утончённой. Примерно как лезвие опасной бритвы.

Бакшиш поместил виноградину между зубами, невидяще уставился в умные глазёнки Груни и пробормотал:

– И осталось мне лишь с затаённой грустью проследить их полёт. Какое скорбное разочарование!

Он сжал челюсти.

Виноградина лопнула. Оказалась она кислой – почти как гримаса, исказившая костистую физиономию Бакшиша. Дабы смыть мерзкую кислятину, пришлось ему собрать волю в горсточку и, игнорируя ёкающую селезёнку, дёрнуть коньячку. Потом ещё. И ещё. Потом он ощутил себя вполне орлом, прогнал собаку, вскарабкался на диван и кликнул Светку…

Утром народившегося Дня защиты детей, ранним-ранним и студёным утром 1 июня, наваждение схлынуло. Уже в пять часов Бакшиш орудовал эспандером, вновь чувствуя себя бодрым, дерзким и решительным. Приступив к отжиманиям, он с брезгливостью припомнил собственное вчерашнее слюнтяйство – лишь на секунду, чтобы тут же забыть. Приседая на одной ноге, вспомнил, что его банально выставили на пять косарей зелёных. И это если не считать «упущенной выгоды»! Которая, по самым скромным прикидкам, сулила тридцатикратное увеличение средств, вложенных в бой Муромского. А уж о моральном ущербе от факта, что на него, Папашу Бакшиша, самым безобразным образом наорал какой-то заджинсованный… Об этом и речи не шло. Пока не шло.

Бакшиш с удовольствием осмотрел в зеркале своё поджарое тело, набросил на плечо пушистый халат и отправился в ванную. По пути встретил таксу Груню, почесал ей за ухом, подхватил с комода мобилу и набрал номерок Тыры. Тыра, конечно, был полным уродом и подонком, зато преданным.

Урод и подонок ответил сразу, будто неусыпно ждал звонка всю ночь.

– Захвати Богарта и пулей ко мне, – велел Бакшиш.

– Так ведь Богарт… он того… – испуганно тявкнул Тыра.

– Чего того? – рявкнул Бакшиш. – По рукам пошёл? Девки, девки?

– Ну, не… Он это… Свалил вчера, короче. Самолётом. На какую-то гору. К Афоне, что ли?

– На гору Афон, может? – проявил Бакшиш эрудицию. – А на кой хрен?

– Дак, Папа! После этого… Ну, когда Илюха с корешем на нас нагавкали… Пропёрло Богарта чё-то. Не по-детски так! Короче, грит, бабки – зло. О вечном думать, грит, надо. На Афоне, типа. В пещере. Во! И…

– Паразит кишечный! Ну, вернётся – я ему устрою пещеру, – недобро прошипел Бакшиш, прерывая косноязычный рассказ Тыры. – Тогда поступаем так. Прямо сейчас забираешь Королевича, ещё двух-трёх мамелюков на свой выбор и мухой ко мне. Через час вы здесь. Как штык. Всё, действуй!

* * *

Случись подобная неприятность лет тридцать назад, Бакшиш, тогдашний чемпион Забамья в полутяжёлом весе, живо бы разобрался со строптивцем, лично накидав по рогам. Пятнадцать лет назад свистнул бы верных нукеров с резиновыми «болеутолителями» и устроил ослушнику «встречу на Калке». Но нынче он, благополучный бизнесмен, меценат и без пяти минут советник Картафановского градоначальника по вопросам физической культуры и спорта, позволить себе подобные выходки не имел права. Не потому, конечно, что обабился и смягчился сердцем. Потому что знал цену людям. Особенно тем, с которых можно поиметь нехилые дивиденды. А с проигрыша Муромского, когда б он «лёг» под Хмыря, можно было так разжиться… Э-эх!

Условленный час ещё не истёк, когда команда мамелюков предстала пред Бакшишевыми карими очами. И пусть собирал её Тыра, центральной фигурой являлся отнюдь не он. Имелся молодец и повиднее. Огромного роста и растаманской внешности мулат с фигурой профессионального культуриста. По прозванию Иван-королевич. Или, как предпочитал величать себя он сам, Судья Дредд. Ох, и грозен был Дредд с виду! Выбеленные пергидролем косички-дреды змеями медузы Горгоны торчали из-под просторного пёстрого берета, похожего на вязаный деревенский коврик. Кудлатая бородёнка, вывернутые губы, нос точно у буйвола. Огромное кольцо в ухе и сушёная голова белого колонизатора на ожерелье из акульих клыков также не добавляли миролюбия его облику.

– Ну и кого нужно сожрать? – демонстрируя зубы, которыми без проблем можно сожрать что угодно и чистейший говор коренного картафановца, прогудел он.

А что удивительного? Хоть и являлся Дредд по батюшке папуасским принцем (увы, без права наследования королевского копья Огог), зато по матушке – самым что ни есть русским аборигеном. Дитя тесной, пусть и непродолжительной дружбы великих народов.

– Всё шутишь, Ваня, – сухо сказал Бакшиш. – А дело-то серьёзное. Муромец, гад, совсем забронзовел!

– Папа, – сказал Иван-королевич тревожно, – про Муромского я как бы в курсе. Надеюсь, мне не придётся вместо него на ринг выходить?

– Да кому ты нужен на ринге, дубина стероидная? Мне Илюха, Илюха нужен! И чтобы лёг наш чемпион. Ставки против Хмыря знаешь, какие?

– Какие? – с жадным интересом спросил один из мамелюков.

Папаша Бакшиш изумлённо посмотрел в его сторону. Перевёл взгляд на Тыру. Тот понял шефа без слов. Подскочил, цепко ухватил любознательного парнягу за нос и вывел вон. Что там произошло между ними, доподлинно неизвестно. Однако что-то нам подсказывает, что этот чрезмерно пытливый персонаж исчез из повествования надолго. Возможно, насовсем.

– Так в чём задача-то? – спросил Иван-королевич, когда дверь за Тырой закрылась. – Вложить Илюхе ума? Правильно?

– Тебе бы кто вложил, – с мимолётной тоской пожелал Бакшиш. – На кой он мне избитый-то, а? Нянчиться? Примочки накладывать? Парламентёрами будете, ясно? Вот тебе, Ваня, пять косых… – Он швырнул Дредду конверт. – Скажете Муромскому следующее: это аванс. Если ляжет под Хмыря, как велено, ещё четвертной получит. Заявит, что четвертной мало, начнёт торговаться – зашибись. Подымайте потихонечку до тридцати.

– Ох, Папа, не верю я, что Илюха согласится. Хоть и за тридцать сверх аванса…

– А ты расстарайся, чтобы согласился! Уговоришь, будут вам комиссионные. По штуке тебе и Тыре. – Он внимательно посмотрел на двух оставшихся мамелюков. Те с готовностью выпятили груди. – Вам по пятьсот.

– А если всё-таки откажется? – спросил Дредд.

– Ну, что ж… – Бакшиш огорчённо вздохнул. – Тогда на твоё личное усмотрение. Если он мне бесполезен и даже убыточен, то кому вообще нужен?

Иван-королевич пожал плечами. Похоже, и он не знал, кому может быть полезен сулящий убытки Илья Муромский.

– Слышал я, у него аппаратуры дорогущей полна квартира, – мечтательно проговорил вернувшийся в комнату урод и подонок Тыра.

– Я этого не слышал, – с искусственным зевком сказал Бакшиш. – Так, Королевич… За старшего, понял? Если Илья кого и послушает, то только тебя. И запомните, мальчики. Главное, чтобы он согласился на бой. Для любителей халявной аппаратуры повторяю особо: глав-но-е! Всё. Будьте на связи.

* * *

Сон наших героев в Илюшиной квартирке был по-богатырски крепок и по-детски безмятежен. Хмельным либо похмельным расстройством сна ни один из них в жизни не страдал. Поэтому, когда во всех углах застучало, забренчало и загудело, будто в печной трубе, когда одеяла самочинно поползли с их молодецких тел, а на ухо зазвенел девичий крик «Подъём, рота! Тревога!», никто из друзей не облапил голову с болезненным стоном. Не нашлось и такого, кто заполошно проорал бы «Изыди, нечисть!» или «Чур меня!». Каждый пружинисто вскочил с ложа, каждый наперво поддёрнул трусы и пригладил пятернёй волосы. Каждый спросил в лёгкой тревоге:

– Что стряслось, Фенюшка?

Получилось в унисон. Феня тут же ответила. И тревоги в её голосе было куда как побольше:

– Ой, ребята, беда под дверями пристроилась. Четверо на лестнице стоят. Один, конечно, вполне адекватный, хоть и истинная страхолюдина с лица. Зато остальные – архаровцы чистой воды. Мамелюки. Где совесть была, давно хрен вырос. Вместо прочих чувств – жадность да злоба.

Добры молодцы, выслушав Фенькины слова, собрались в передней. Алёша с хитрым прищуром глянул на моднейшего фасона купальные плавки Никиты. Видать, вспомнил про сорвавшуюся маёвку.

– И у тебя тоже семейники, говоришь?

Добрынин легонько сконфузился.

– Чего ж они притормозили? – с нетерпением спросил Илья, подбрасывая в руке гриф от разборной гантели. – Становится скучновато.

Алёша кивнул, соглашаясь, что скучновато, и ловко поймал рубчатую железяку в верхней точке траектории. Шепнул:

– У тебя и так вон, какие кувалды.

– Совещаются, – сообщила Фенюшка. – Трое злобных трусят до чрезвычайности. Предлагают сперва наподдать Илье, а потом разговаривать. А страхолюдина вроде как против. Бакшиша поминает.

– Раз супостаты дверь ломать не спешат, я пока ванну сооружу, – сказал Никита. – Погорячее. Добро, братцы?

– Какой разговор! – поощрил его Муромский. – Купайся на здоровье.

Никита ускользнул. Вскоре зашумела вода.

– Ну так что, Алексей, – справился Муромский, – впустим архаровцев? Не по-русски как-то гостей за порогом держать.

– Само собой! – сказал Лёха, так и этак поворачивая гантельку.

Илья отпер щеколду и рывком распахнул дубовую створку.

– Привет, гаврики! Салют, Королевич!

Гаврики обмерли. Вместо одинокого Муромского, сонного и растерянного, в квартире обнаружился целый отряд крепких парней. Пусть не вполне одетый, зато вполне боеготовый. Сам Илюха, разминающий круговыми движениями головы могучую шею. Какой-то кудрявый красавец с впечатляющей статью не то пловца, не то спринтера и с ещё более впечатляющей стальной колотушкой в кулаке. Да набегал вдобавок из глубины коридора третий. Коренастый, жилистый. На пальчике пропеллером длинные ножницы крутит. И лицо – ух, какое решительное.

Четыре к трём, это вам не четыре к одному. Архаровцы заметно приуныли. Тыра косился на Попова, силясь сообразить, где мог его видеть раньше. Лёхе тоже казалось, что он где-то уже встречал этого неприятного типа, имеющего фигуру гориллы и крошечную головку мартышки. Пешеходный переход на проспекте Градоустроителей и дуэль на воображаемом оружии, вчистую проигранную джиповладельцем, оба вспомнили одновременно. Лёха усмехнулся, Тыра скрипнул зубами и отвернулся.

После долгой-долгой заминки взоры посланцев Бакшиша, диковато рыскающие по стенам да полу, сошлись на Дредде. Где и утвердились. Во-первых, именно его Бакшиш назначил старшим. А во-вторых, мамелюки точно знали, что под просторным балахоном (или бурнусом, разве черномазых разберёшь) носит Королевич не только никчемный дикарский амулет, но и вполне цивилизованный – а главное, полезный! – обрез.

Русско-папуасский отпрыск тяжело вздохнул, ощутив требовательные взгляды архаровцев. Особенно настойчиво пялился Тыра. Верный бакшишев подонок шевелил рукой, словно нащупывая что-то под мышкой, и корчил свирепые гримасы. Ему ужасно хотелось отомстить Попову за вчерашнее поражение.

Королевич опять вздохнул. Ну, имелся, имелся у него обрез. Двуствольный. Самого что ни есть внушительного двенадцатого калибра. В одном патроне – волчья картечь, в другом – медвежий жакан. Будто как раз на этих… Медведя Муромского и кудрявого волка с есенинским профилем. Однако… Нешуточное беспокойство внушал Королевичу третий. Тот, что затаился в глубине прихожей, точно росомаха в дупле. А надо признать, росомаха подчас бывает куда опасней сильных, но прямолинейных волков да медведей. Хитростью своей, изворотливостью и (Дредд глянул на поблёскивающие, позвякивающие ножницы) длинными кинжальными когтями.

Да ведь и не велел Папаша Бакшиш обострять ситуацию.

Королевич соорудил миролюбивую гримасу.

– Доброе утро, Илья. Друзьям твоим также.

Илюха величаво кивнул. Никитины ножницы приветственно щёлкнули.

Попов похлопал грифом по ладони:

– И тебе не хворать.

Дредд оценил амплитуду Алёшиных движений, вновь повернулся к Муромскому.

– Что ж ты, Илья, не обучил товарища правильно снаряд держать? – Он кивнул в сторону Лёхи. – Больно уж крепко кисть сжимает. Мозоли в два счёта заработать можно.

– Дык, земеля! – с открытой улыбкой людоеда ответствовал Алексей. – Понимаешь, в чём загвоздка… Привыкли руки к топорам.

В доказательство он проворно махнул грифом, точно перерубая древесный сук. Или свиную ножку. Или, положим, баранью шею.

Шеи у мамелюков непроизвольно вжались в плечи. Дредд растеряно замолк, не понимая, как толковать Лёхины слова и действия. Как угрозу? Предостережение? Шутку?

Снова повисла тягостная пауза. И поскольку наши герои прервать её отнюдь не торопились, вполне вероятно, тянулась бы она ой как долго. Кабы не вмешался персонаж, которому – раз уж имеются у нас и волк и медведь и росомаха – подошла бы шкура рыси. Хищника коварного, скрытного, нападающего исключительно сверху. Как снег на голову. Так и здесь случилось.

Неожиданно для всех разверзлись хляби небесные.

Огромная масса горячей воды, почти кипятка, обрушилась на Тыру. Ниоткуда она взялась. Прямо из воздуха. Будто по волшебству. Сопровождал извержение вод разбойничий свист в трубах парового отопления и пушечное хлопанье подъездных дверей.

Тыра пронзительно взвыл, хлопнулся на четвереньки и, нелепо виляя задом, продолжая скулить, махнул вниз по лестнице. За ним тянулся шлейф пара. Страшно загрохотали вослед беглецу, точно вели по ним толстой палкой, кованые лестничные перила.

– К пиву холодец! – восхитился Алёша.

– Фенька, душенька! – констатировал, блаженно прищурившись, Илья.

– Снова ванну набирать… – с философской невозмутимостью подвёл итог Никита.

Архаровцы притихли. Счёт живой силы теперь выходил и вовсе равный. Атаковать же укреплённые позиции противника боевой устав любой армии разрешает минимум при трёхкратном перевесе. Звериный инстинкт любой шпаны, как ни странно, уставу вторит буковка в буковку.

– Слыш, Лёх, ты не помнишь, что у нас на второе к завтраку? – справился Муромский, с заинтересованной миной возведя очи к потолку. – Чаёк, вроде, уже был.

Попов за ответом в карман не полез. Да и откуда в сатиновых трусах взяться карманам, скажите на милость?

– Как обычно, Илюха. Каша-размазня. Порридж, выражаясь грубо и по-заморски.

Мамелюкам стало ещё того пуще не по себе. Незнакомое слово, изобилующее рычащими и жужжащими согласными, сулило неведомые опасности. И уж если водопад кипятка эти чудные мужики назвали всего лишь чайком…

– А по-русски и изящно как будет? – с тревогой спросил Дредд, озвучивая немой вопрос соратников.

– Если надо изящно, лучше пусть Никита скажет. Никит, проинформируй народ.

Росомаха на полкорпуса высунулась из дупла. Остро блеснули глаза.

– Порридж – это по-нашему дерьмо, хлопцы. Горяченькое, в консистенции домашнего киселя. Прикажете подавать? – Добрынин начал медленно вздымать вооружённую ножницами руку.

Нервы у архаровцев не выдержали. Опережая собственный отчаянный визг, вприскочку, резвые, как архары, покинули они поле несостоявшегося сражения. Да, пожалуй, и страницы нашей повести.

– А вас, голубчик, я попрошу остаться, – сухо обратился Добрынин к растерянному, растерявшему войско Дредду. – Обрисуй-ка, что привело вашу кодлу в сей ранний час к нашему мирному порогу?

Куда было деваться папуасскому принцу? Рассказал, как на исповеди.

Слушали молча.

Когда Дредд закончил, Муромский, не проронив слова, запустил руку ему за пазуху. Вытащил конверт, перебросил Лёхе.

– Илья, – сдавленно, однако гордо (королевскую кровь хоть в белом теле держи, хоть в чёрном – она всё одно королевская) сказал Королевич. – Тебе не кажется, что это уже чересчур? Мародёрство какое-то.

Илья нахмурился, закусил губу. Того и гляди, передумает, вернёт денежки. Ищи их потом, свищи!

На помощь поспешила Фенюшка. Шепнула в ухо Добрынину:

– Никита, братец! Растолкуй хоть ты шпаку шоколадному, чем мародёрство отличается от контрибуции.

– Да запросто, сестричка, – сказал Добрынин и немедленно рыкнул: – Отставить упадочные рассуждения!

После чего в два широких шага очутился между Илюхой и Дреддом. Обратил посуровевший лик к папуасскому принцу.

– Разъясняю популярно, для невежд. Мародёрство, голубчик агатовый, это когда с неостывшего трупа врага стягивают сапоги, шерстяные носки, кальсоны. Штык-ножом отсекают палец, чтобы снять обручальное кольцо. Им же отпиливают ухо, чтобы снять кольцо-серьгу. Этим же штыком, а то и прикладом выбивают…

Он отработанным движением профессионального работорговца или коннозаводчика оттянул вверх губу Дредда, обнажив крупные, будто у молодого жеребца, зубы. Отпустил, вытер пальцы о балахон.

– …Прикладом выбивают золотые коронки. Ну и прочее в том же духе. Тогда – да, самое оно. Мы, русские офицеры, такое дело решительно осуждаем. С мародёрами у нас разговор короткий. Трибунал, расстрел, в безымянную яму. Зато если с того же трупа или, положим, пленного снимают оружие…

Обрез, словно по волшебству, оказался в умелых руках Добрынина. Никита осмотрел его, оценил как «горизонтальный “венус” с боковыми замками от “Голланд-Голланд”; изготовлен сразу укороченным», после чего передал Лёхе и продолжил:

– …То такое действие называется уже сбором трофеев. В военное время вполне законно. Ну, а когда на потерпевшего поражение противника накладывается контрибуция, то тут хоть ты как извернись, контрибуцией она и будет зваться. Любая Гаага победителя оправдает. Так вот, мы сейчас взяли трофеи и контрибуцию. Доходчиво изложено?

Изложено было доходчиво. Дредду оставалось только сказать контрибуции, то есть пяти Бакшишевым тысячам, прости-прощай.

Обрезу “венуса” с боковыми замками, между прочим, тоже.

* * *

Поскольку держался Дредд достойно, чести королевской не уронил, друзья зазвали его на чай, на шанежки. Пораскинув умишком, тот согласился. Ну, в самом деле, зачем сразу сбегать. Вдруг в мирной домашней атмосфере расслабится Муромский, и удастся-таки провернуть дельце с мордобоем века?

Того не ведал Дредд-королевич, что сам стал объектом «разработки». Потому что в головах у друзей родилось сразу несколько замечательных планов, главная роль в которых отводилась как раз ему.

Илья очень вовремя вспомнил, кем является достойная матушка Дредда.

Никита не мог взгляд отвести от акульих клыков и вяленой головы папуасского амулета. Добыть чудесную вещицу, во что бы то ни стало, казалось ему решительно необходимым. Рассудком не понимал Добрынин, на что может сгодиться их комплоту варварское ожерелье, но сердцем чувствовал – беспременно сгодится!

Попову не давали покоя слова Дредда о том, что, дескать, неправильно сжимает Алёша гантельный гриф. «Вдруг, – думал он, – я и бильярдный кий не совсем верно держу? Может, в том причина обидного проигрыша Герке Немчику?»

А Феня мечтала, как заглянет по привычке в девятом часу к Илье соседка-вертихвостка Инга. Заглянет – и устрашится черномазого страхолюдины! Авось, и совсем с перепуга ходить прекратит. То-то наступит благодать… Глядишь, на целую неделю, а то и дольше.

Пока суд да дело, Никита успел поплескаться в ванне, Алёша избавился от порядком надоевшей гантели, а Илья связался по телефону с Папашей Бакшишем. И обрисовал ситуацию с набегом мамелюков во всей её правдивой суровости.

Бакшиш прежде всего грязно выругался в адрес Тыры и архаровцев, после чего примолк. Лишь сопение доносилось из телефонной трубки да противное скрежетание – не то зубовное, не то обычные помехи. Выждав минуту трагического молчания, Илья предложил бывшему промоутеру сообщить о соображениях и выводах.

– Хрен с тобой, дурачина! – с явной обидой выкрикнул Бакшиш. – Живи, как знаешь! Только когда с голоду начнёшь пухнуть, ко мне близко не кажись. Велю на тебя собак спустить.

– Это Светкиного-то таксика? – уточнил с улыбкой победителя Илья. – Груню?

– Да пошёл ты! – рассвирепел окончательно директор «Свинцовой перчатки» и так ахнул трубкой об аппарат, что Муромского запросто могло оглушить. Но тот предусмотрительно положил трубку первым.

* * *

К чаю полагались нежнейшие расстегаи с корюшкой, шанежки сметанные да картофельные, пирожки с яйцом и перистым зелёным лучком. Блины кружевные, оладьи пышные. Махонькие мясные кулебяки и гигантские бублики, обсыпанные маком, как девчачий нос веснушками. Варенья, меды, пастилы, конфитюры самых разных вкусов. Молоко в кувшинчике, лимон на блюдце. И само собой, бутылочка Ревельского бальзама – а ну как молодцам сотни градусов кипятка покажется недостаточно?

Кто ночью не спал, готовил такое изобилие, героям нашим оставалось лишь догадываться.

Уже после первой чашки Дредд был принят в оборот.

Парнем он оказался компанейским. Алёша узнал, что гантели или штангу настоящий атлет берёт надёжно, однако бережно. Как пташку, представь? Сожмёшь пальцы сильней – раздавишь, а ослабишь хватку – улетит.

У забежавшей в ту пору «на минуточку» Инги-вертихвостки имелись кое-какие личные соображения по затронутому вопросу. Но она, как разумная девушка, удержала их при себе. Зато тихим голосом паиньки попросила у Дредда адресок спортзала, в котором он мышцы качает. Давно, дескать, собиралась пресс укрепить. Лёха с Никитой от такого заявления завистливо крякнули, Дредд довольно хмыкнул, а Фенька на радостях отсалютовала, троекратно брякнув форточкой.

Илья же… Да что говорить, сами, небось, понимаете…

Инга сделала вид, что целомудренно смутилась собственной дерзости. Получив вожделенный адресок, она смерила Дредда пылким взглядом и упорхнула, заявив, что провожать её не нужно.

Муромский начал шумно хлебать чай. Обстановка явно требовала разрядки.

– К слову… Подобным же образом следует держать пистолет при стрельбе, – преувеличенно бодро известил друзей Добрынин. – Как птичку. Тогда пули ложатся кучно.

– Меня-то это дело в разрезе бильярда интересует… – Алёша подхватил столовый нож и наподобие кия поместил на большой палец.

Илья смерил друзей понимающим взглядом, усмехнулся, подмигнул заговорщицки и протянул руку к буфету. Погремел баночками, коробочками. Высыпал на стол пяток сухих горошин. Подставил солонку вместо лузы.

– А ну!

Лёха с сомнением покачал головой, примерился, ударил…

Горошины легли кучно.

Об ожерелье Никита завёл речь издалека. От тропика Рака и островов Папуа-Новой Гвинеи, от Джеймса Кука и Миклухо-Маклая. Но Дредд, хоть и смотрелся чурбан чурбаном, интеллектом обижен не был. В один присест расшифровал, что конкретно Никите надобно. В другой – повёл торг.

Свой амулет он отдать не имеет права, поскольку реликвия, регалия и фамильная драгоценность. Впрочем, найдётся у него запасной. Новодел, конечно. Лет полтораста всего. И зубы там не белой акулы, а тигровой; и голова не белого плантатора, а заурядного чёрного каннибала. Да и нанизано это добро, откровенно говоря, не на косицу из младенческих волос, а на обыкновенную рыболовную леску. Однако по магической эффективности если и уступает Дреддову талисману, то пустяшно.

– Почём продашь? – глухо спросил Никита, заранее готовясь услышать космической величины сумму.

– Продать не продам, а поменяю в лёгкую.

– Ого. На что?

– А на трофей ваш сегодняшний, – оттопырил губищу королевич.

– Дело! Молоток! Вот это по-мущински! – наперебой одобрили друзья выбор Дредда. Полюбовались напоследок затейливой чеканкой на стволах, причудливой резьбой на цевье, курками высеребренными, да и расстались с “Голландом-Голландом” без сожаления, решив единогласно:

– Мы-то обойдёмся, а августейшей особе без оружия никак нельзя!

Илья, видя, сколь размяк сердцем возвративший обрез Королевич, смекнул, что пришло время для главного.

– Ваня, – сказал он вкрадчиво, – у меня к тебе последняя, малюсенькая просьба.

– Кого нужно сожрать? – привычно пошутил тот.

– Неужели наши угощения совсем несытные? – шуткой на шутку ответил Илья. И ахнул без передышки, точно обухом: – Будь ласков, порадей за нас перед матушкой.

– Перед какой? – начиная мало-помалу осознавать трагическую серьёзность предложения, спросил Дредд севшим голосом.

– Так перед твоей, Ваня. Перед Марией Ивановной Вожжиной-Подхвостовой…

Чёрный принц королевских кровей выдохнул со всхлипом и моментально словно бы уменьшился в размерах.

* * *

– Кого ты ко мне привёл, милый сын? – спросила полногрудая дама в деловом костюме и строго посмотрела на Дредда. Перевела взгляд на великолепную троицу.

Хоть были друзья отважны в любой обстановке, а тут оробели. Тотчас захотелось им спрятаться. Большему за среднего, среднему за малого, а малому – чтоб и след простыл.

Дредд, который лучше всех знал, что от заботливого материнского внимания не спрячешься даже на тропических островах, шмыгнул носом и почтительно снял пёстрый берет. Рот открыть он пока не решался.

Мария Ивановна Вожжина-Подхвостова относилась к типу женщин, который не часто встретишь на остановках общественного транспорта и в продуктовых магазинах. Прогуливающимися с детскими колясочками в дневных парках или напротив, демонстрирующими длинные ножки на вечерних бульварах вы их также вряд ли застигнете. На кухнях у них трудятся кухарки, пыль с мебели вытирают домработницы, а мужья если и имеются, то держатся тише декоративных растений. Некоторые, конечно, успевают своевременно смыться в Южное полушарие и там заделаться монархами, но таких счастливцев – абсолютное меньшинство.

Властность в лицах и повадках этих обломков матриархата напрочь подавляет не только красоту (у Марии Ивановны величественная зрелая красота присутствовала в полной мере), но и женственность вообще. Чаще всего такие гранд-дамы обнаруживаются в кабинетах, входить в которые по своей воле мало кто рвётся. А когда приходится войти, то психологически посетители готовятся к визиту намного основательней, чем к посещению стоматолога.

В Картафанове жутким местом, где окопалась генеральша Вожжина (а иначе её и не звали), являлся кабинет руководителя районной СЭС. Организации не самой заметной для населения, зато весьма значимой для тех, кого вопросы соблюдения санитарных норм касаются вплотную.

– Не слышу ответа, – с расстановкой проговорила Мария Ивановна и постучала по столу холёным пальчиком. Несмотря на чистоту и ухоженность, эти пальчики крепче любых капканов удерживали в кабале городские свалки, торговые точки, места общепита. И выжимали из мусора да отбросов такие бриллианты, каких в Якутии поискать…

– Мама, прошу, выслушайте их, пожалуйста, – наконец поборол немоту «милый сын».

– Ты влез к ним в долги?

– Нет! Нет! Просто это мои очень хорошие друзья.

– Считаешь, я непременно должна знать всех твоих друзей в лицо? Привёл познакомиться? Что ж, похвальное решение. И, в кои-то веки, разумное.

– У них просьба…

– Нам бы хотелось поработать санитарными инспекторами, – отважился-таки вступить в переговоры Алёша. Именно он оказался тем меньшим, за которым укрылись Илья да Никита. Вот и пришлось отдуваться.

– Инспекторами. Так-так. Понятно. Всем троим? – уточнила генеральша.

– Было бы чудесно! – сказал Илья с теми особенными интонациями, которые, как правило, волшебным образом действовали на самых разных представительниц слабого пола.

Однако генеральша Вожжина, как уже отмечалось, к слабому полу относилась скорей формально. Она презрительно усмехнулась:

– В вашем возрасте, уважаемый претендент, верить в чудеса довольно наивно.

Илья с покаянной гримасой развёл руками – дескать, что поделаешь, хочется…

– Ну, хорошо. – Мария Ивановна встала из-за стола, броненосным крейсером надвинулась на молодцев. Внимательно изучила каждого. – Предположим, я соглашусь взять одного из вас стажёром инспектора. Временно, разумеется. Вакансия имеется. Но! Мне бы хотелось знать, чем моя благотворительность обернётся? Как вы намерены распорядиться полученными правами? С кого собирать дань?

– Ни с кого, клянусь! – воскликнул Дредд, взволнованно теребя амулет. – Им для другого.

– Помолчи, котик. С тобой разговор будет позже. Итак?

Друзья переглянулись и честно выложили, что корочки санинспектора необходимы им в качестве универсального пропуска. Заглянуть за кой-какие заборы. Опуститься в кой-какие подвалы. Прихватить там кой-кого на горяченьком. А больше ни для чего.

– Поборы не наша стезя, – заключил Алёша. – Деньги – это ржа, прах и тлен. За отечество душа болит.

– Альтруисты, значит?

Друзья истово закивали.

– Допустим… – тон генеральши смягчился. Впрочем, надо ли тому удивляться? Разве запрещено главному санитарному врачу быть приверженцем альтруизма? Особенно, когда заняться им намерены другие. – Тогда сразу второе. Какое основание я буду иметь для приёма на службу? Кто-нибудь из вас имеет медицинское образование? Хотя бы начальное. Вы?

Алёша, к которому был обращён последний вопрос, расправил плечи:

– Бескомпромиссная борьба со старухой-смертью – мой конёк. Я кавалер медали за отвагу на пожаре! И дважды – за спасение утопающих! Мои умелые действия на воде внесены в анналы и инструкции Картафановского ОСВОДа. А вспомнить моё искусственное дыхание! О! О!! Фильм по мотивам можно снимать…

– Кавалеры бывают орденов, но никак не медалей, – перебила его Мария Ивановна.

– Ещё однажды я роды принимал, – не сдавался Попов. – В чистом поле и…

– Спасибо, понятно. Жаль, акушерство – не наш профиль. Можете выдохнуть. Вы?

Илья потупился. К медицине вплотную он прикоснулся только однажды, ещё в школе. Тогда, на уроке ОБЖ, тренируясь в выполнении массажа сердца, он вдрызг раздавил грудную клетку манекену.

Пришлось ему хитрить, надеясь, что кривая вывезет:

– Это… Ну, я практически профессионал по полному наркозу, местной анестезии, быстрой санации рта, экстренному кровопусканию. И прочее в том же аспекте. Ещё ветеринаром могу. Холостить, кастрировать, купировать.

– С вами тоже понятно. Если желаете, могу дать рекомендательное письмо для районной скотобойни. Заработки умеренные, зато всегда парное мясо к столу. Следующий.

Никита был лаконичен.

– Высшее военное. Базовые знания в рамках курса. Последние годы служил в прозекторском отделе горбольницы.

– Старожил морга, – попытался спасти своё реноме шутника и дамского баловня Муромский. Увы, выстрел оказался холостым. Генеральша в его сторону даже не взглянула.

– Вы мне сразу показались наиболее подходящей кандидатурой, – кивнула она удовлетворённо Добрынину. – Иван, проводи господина… мнэ-э?..

– Никита Васильевич. Добрынин.

– Проводи Никиту Васильевича до кадровика. Пусть оформит стажёром. Я сейчас позвоню, поставлю его в известность. Остальные подождут в холле. Да, и, сударики мои… – Она вернулась к столу, взяла кожаную папку, раскрыла. – Вот здесь место для заявлений о приёме на работу. Надеюсь, заявление у вас подготовлено?

– Сколько должно быть абзацев? – деловито спросил Илья, вынимая бумажник.

Мария Ивановна, не ломаясь, назвала точное число.

Присвистнуть молодцы решились, только сойдя по лестнице на три пролёта.

* * *

Никита познакомился с кадровиком, прослушал вводный инструктаж, сфотографировался, заполнил несколько бланков. Получил комплект рабочей амуниции. Респиратор, литые сапоги, синюю спецовку с трафаретной надписью «ГорСЭС», пилотку. Клеенчатый

фартук, толстые перчатки и жутковатый раздвижной щуп, смахивающий на миниатюрный багор. После чего, наконец, освободился. Новенькое удостоверение санитарного инспектора ему вручил Дредд. Он же передал устный наказ Марии Ивановны: «Строгого соблюдения трудовой дисциплины не требую. Однако смотрите, не запятнайте репутацию нашей организации, Никита Васильевич. Потому что в противном случае я вас из-под земли достану и на свалке похороню».

Пока посмурневший Добрынин переваривал напутственные слова генеральши Вожжиной, Алёша, который начал чувствовать что-то вроде дружеского расположения к Ивану-королевичу, участливо полюбопытствовал:

– А тебе, землячок, круто нагорит? От маменьки-то?

– Сладкого лишит на неделю, – желчно сказал Дредд, похоже, не шибко-то склонный обсуждать варианты собственного будущего.

– Ага, – с пониманием покивал Лёха. – Весёлая у тебя жизнь. Попец с бантиком.

– Грех жаловаться, – сказал Дредд. – Ну, поехали за цацкой?

Возражений не поступило.

Молодцы, заранее готовясь вкусить далеко не гастрономическое блюдо «яйца всмятку», полезли в Илюхину крошку «Оку». Однако страшного, вопреки ожиданиям, не случилось. Машинка загадочным образом стала как будто просторней и удобней, чем обычно. То есть за ней и по пути в СЭС было замечено что-то подобное, но куда менее явно. А тут – на тебе!

Друзья, шумно и радостно подивившись этому необъяснимому с материалистических позиций факту, трижды повторили опыт с посадкой-высадкой. Результат остался прежним. Неказистая снаружи коробчонка на колёсиках изнутри устойчиво обнаруживала объём и комфорт класса люкс. Решив, что от добра добра не ищут, молодцы устроились на подросших диванах и, примеряя с хохотом кто пилотку санитара, а кто респиратор, отправились к Дредду.

На углу улиц Трофима Лысенко и Томаса Моргана, возле уважаемого Картафановским населением продуктового универсама «Дед-самоед», Муромский свернул к обочине. Сказал «купить кое-чего треба!», заглушил двигатель и, пообещав скоро вернуться, двинул в магазин.

Остальные выбрались из «Окушки» наружу, перекурить. Подле стоянки обосновалось молодежное трио – два паренька с гитарами да девчушка с бубном. Коллектив был явно студенческим, пели ребята больше для души, но и от вознаграждения не отказывались. Гитарный футляр возле ног артистов гостеприимно распахивал нутро как для мелочи, так и для купюр. Судя по приличному количеству заинтересованных зрителей, савояры не халтурили, работали с полной отдачей.

В настоящий момент студиозусы выводили дрожащими голосами душещипательную историю:

У палаццо с колоннами,
Что напротив аптеки,
Жили люди бездомные —
Без жилья человеки.
Дочь при грязном подвальчике,
При отце-гемофиле.
Приходили к ним мальчики
И девчонку любили.
Но любили без совести

За копейки и бусы, —
Нет печальнее повести,
Самоеды – тунгусы…

А отец, как ни подопьёт,
Вечно пьяный и злобный,
И на дочку в сердцах орёт,
Разнесчастный бездомный:
– Ах, зачем ты, родная кровь,
На дырявом матраце
Продавала свою любовь
За копейки и цацки?
Ты позоришь меня, отца,
Перед графом в палаццо,
Отдаваяся без конца
При посредстве матраца!
Граф смеётся в моё лицо
Из окна экипажа.
Ох, комиссия – быть отцом
Взрослой дочки продажной!

В этом месте напряжение достигло предела. Гитары зазвучали по-настоящему драматично, бубен затрепетал бронзовыми лепестками, как погибающий в огне мотылёк. У девушки-певуньи подозрительно заблестели глаза. Да ведь и было от чего! Ситуация в песне приближалась к критической:

И схватил тут старик кинжал
И воскликнул: умри же!
И за девушкой побежал
По коллекторной жиже.
Он бежал и в его глазах
Смерть застыла и мука.
Он не знал, что у ей внутрях
Эмбрион его внука…
Он был стар, и догнать не мог
Подземельной мадонны,
Её резвых и тонких ног,
Стройных будто колонны.

Так и бегали целый год.
Или месяцев девять,
Но пришёл страшный день и вот —
Ничего не поделать:
Подоспела пора рожать,
А отец снова пьяный,
Снова жуткий схватил кинжал
И занёс над Татьяной.
(Ведь по паспорту Танечке
На позорной панели

Пристающие мальчики
Дали имя Шанели.)
Ах, не в силах она бежать,
Только стонет и плачет:
– Я должна в этот час рожать,
Не могу я иначе!

И отец дочь к груди прижал:
– Я приму твои роды!
Но пока убирал кинжал,
Отошли у ней воды…
И не выжил младенчик, нет,
Хоть сынок, хоть дочурка —
Ведь девчонка в пятнадцать лет
Заразилася чумкой.
И от горя она в тот миг
Умерла в жутких муках.
И увидел тогда старик
Мёртвых дочку и внука.

Глухо чиркнул тупой клинок
По морщинистой выe,
И кровавый бежал поток:
Шутка ль – гемофилия!

Поутру в тот подвал входил
Юный граф из палаццо.
Зарыдал он что было сил
Прямо в дырки матраца:
Это было его дитя!
Он дарил эти бусы!

Спел я песню вам не шутя,
Самоеды – тунгусы!..

Инструменты смолкли, смолкли и голоса. На стоянку упала пронзительная тишина. Казалось, что перед лицом столь страшной трагедии утих даже уличный шум. Слышались лишь женские всхлипывания из толпы зрителей, да проклятья какого-то пожилого мужчины в адрес бессовестных богатеев.

Расчувствовавшиеся друзья щедро вознаградили самодеятельных артистов, а ушлый Попа даже выпросил у девчушки слова запавшей в сердце песни. Ну а заодно уж и телефончик.

Вскоре вернулся Илья. Он нёс большущий букет роз и фирменный «Самоедский» пакет. В пакете, украшенном изображением улыбающегося старого ненца, чума и оленьей упряжки, побулькивало, позвякивало, шуршало.

– Шампузо, это, конечно, штука вкусная. Но закусь… – с сомнением сказал Лёха, успевший не только принять Илюхины покупки, но и сунуть в них нос. – Мы разве конфетками-то наедимся?

– Это не нам, – кратко ответил Муромский, садясь за руль. – Я у сестрёнки одной давненько не показывался. А повидать её надобно.

– Во исполнение плана? – сообразил Попов. – А я-то голову ломаю, зачем нам «Гусарские»?

– На сдачу дали, – смутился Илья. – Вместо спичек.

– Так оно понятно, что на сдачу, – продолжал исследование Лёха. – Ишь, холера какая, «с точечной насечкой»… Это, стало быть, с пупырышками?

– Сметливый ты парень! – похвалил друга Муромский, отбирая у него глянцевитую коробочку.

– О каком плане речь, мужики? – не на шутку заинтересовался Иван-королевич.

Друзья посуровели. Лёха, грызя с досады палец, проклинал себя за длинный язык.

– Тебе лучше пока не знать, – проговорил, в конце концов, Муромский.

– Да мужики! Ёпэрэсэтэ!.. – бухнул в гулкую грудь кулачищем русско-папуасский принц. – Да я…

– Сказано, обожди! – отрезал Никита. – У нас подразделение элитное. Каждого добровольца брать не с руки. От тебя для почина бусики с черепушкой, а далее видно будет.

– А если, например, сыном полка? – не сдавался настырный принц. – Примете? Я страсть, какой бедовый, на многое сгожусь.

– Иногда и невозможное – возможно, – приободрил его Илья. – Усвоил, земляк?

Дредд молча кивнул.

– Вот и ладно. Показывай, где ближе ехать.

* * *

«Сестрёнка» Ильи носила имя Алёны Евсеевны и чин старшего лейтенанта. В рабочее время найти её можно было не где-нибудь, а в самом Сером Замке.

Смеем допустить, в Картафанове бывал не каждый из читателей. Посему, прежде чем продолжить рассказ о похождениях друзей, авторы считают необходимым хотя бы лёгкими штрихами изобразить внешний вид этого удивительного строения, практически маленького чуда света. Благо он того заслуживает. Да и как знать? – может сам Замок ещё вклинится в наше повествование всеми своими углами, башнями, колоннами да флюгерами. С него станется, уж это точно!

Архитектура Серого Замка была круто замешана на готике – как классической, так и новейшей, рождённой русским Ренессансом 30-50-х годов XX века. Сочетания иной раз получались презабавные. Особенно когда дело касалось скульптурных групп под крышей.

Костлявые, вооружённые косами Мор, Глад и Чума соседствовали с богатырями-хлеборобами, вздымающими на мускулистых руках тяжёлые снопы ветвистой пшеницы. Оскаленные морды горгулий – с полнотелыми колхозницами, держащими подносы, нагруженные горами фруктов-овощей. Впрочем, злые языки утверждали, что сжатые колосья с древнейших времён символизируют прерванную человеческую жизнь. А яблоки да помидоры пейзанок напоминают один к одному отъятые головы безвинных младенцев.

Чаще всего злые языки принадлежали гражданам, так или иначе вкусившим сурового гостеприимства обитателей Серого Замка. Поэтому слушать их – пустое занятие и верить им не следует.

Итак, в Сером Замке во все века располагалась Картафановская жандармерия. В различные годы называлась она, конечно, по-разному, однако суть оставалась неизменной. Запрещать и не пущать. Запрещать лихим людям творение зла, а уже сотворённое зло – не пущать к распространению. Прочее, по большому счёту, наветы да враки.

Сестрица Алёнушка, к коей стремился всеми членами грубого тела и фибрами нежной души Илюха, обреталась на верхнем этаже Серого Замка, в угловой башенке. Она трудилась в третьем отделе, который специализируется на искоренении беспардонности и шалавства.

Первого встречного-поперечного в жандармское управление не пустят. Не пустят и второго. А третьего того хуже, взашей вытолкают. Поэтому пришлось Никите с Лёхой остаться снаружи. Муромский же заявил, что он рядовому счёту никак не подлежит, его номер ноль, а то и ноль-ноль-семь, забрал букет, шампанское и конфеты, пригладил пятернёй бобрик, да и скрылся в глухой утробе Серого Замка.

Наличие в арсенале Муромского шампузо, конфет и прочего предвещало Лёхе с Никитой продолжительное ожидание. Добрынин, по вековечной солдатской привычке, решил использовать свободное время с максимальной пользой, то есть прикорнуть. Обновившийся чудесным образом салон «Оки» к тому располагал весьма и весьма. Попов дневной сон ненавидел с младых ногтей. Кроме того, он зорким оком приметил в паре кварталов от Замка вывеску бильярдного салона «Карамболь», о котором был много наслышан, но в коем до сих пор не бывал. Говорили, что в «Карамболе» собираются снобы, цена на входной билетик кусачая, имеется всего два стола, и действует строгий запрет на дешёвое курево и выпивку. Зато в остальном – чинно-культурно; «чайники» не захаживают.

Раздумывал Попов недолго. Взял из общественных денег одну-единственную соточку и прогулочным шагом отбыл испытать новый чудо-хват кия.

К тому времени, как друзья вновь воссоединились, каждому было чем похвастать. Муромский, несмотря на утомлённый вид, с гордостью демонстрировал новенькое гербовое удостоверение уполномоченного по борьбе с незаконной иммиграцией. Сияющий Алексей – полторы штуки заморских рублей, на которые «с дорогим сердцем раскатал одного подсвинка из Казначейства». А Никита просто славно выспался. Что ему в скором будущем точно пригодится.

ГЛАВА 6
ПОЛЯНКА ЧУДЕС

Пёс его знает, берегиня Фенюшка была тому причиной, брильянтовая цепочка везения, или магическая сила засушенной головы каннибала, заботливо подвешенной Никитой на зеркале заднего вида, да только моральная атмосфера в салоне «Оки» после воссоединения триумвирата переливалась, словно новогодняя ёлка.

Добрынин благодушно качнул трофейный предмет от Дредда. Трофей в ответ щёлкнул на дерзкого остро подпиленными зубами. Никита непечатным, но лаконичным словом выразил недоумение.

– Вот ведь, великое чудо Маниту! – восхитился вслед за товарищем Попов. – Такому палец в рот не клади!

– Чем не голова профессора Доуэля, – поддержал Илья. – Ещё бы разговаривать могла – ей бы вообще цены не было.

Голова вдруг как-то ловко извернулась, показала отшатнувшемуся Муромскому лиловый язык плотоядной твари и на чистом среднепапуасском наречии проскрипела:

– А что, я ничего, и поговорю. Дорогие господа путешественники! Могу предложить вашему вниманию изумительную, сказочную прогулку на тропическое барбекью… в один конец. Перформанс, который мы устроим, запомнится вам навсегда. Гарантируем, что ваше навсегда не наступит никогда, и…

– Ни фига себе ди-джей! – наперебой закричали неблагодарные слушатели. – Это чьи проделки? Да не отвечай, Феня, сами сообразили. Ну, ты зажигаешь! Реанимационная машина, растудыть твою!..

После чего Никита с Алексеем начали рисовать воображаемый Фенечкин портрет. Впоследствии друзья так и не смогли толком объяснить, откуда взялось стремление к художественному изображению берегини. Да ещё к такому: в натуральную величину и в натуральном виде а-ля одинокая девушка на пруду. Трудились они не маслом или акварелью, а двумя голосами. Однако краски были самыми цветными, мазки – самыми смелыми. Илья молодецким ржаньем подливал масла в огонь, да так здорово, что малютка «Ока» тряслась и переваливалась с колеса на колесо.

Незадачливые прохожие, оказавшиеся вблизи от окаянной машины, испуганно порскали в стороны. И долго впоследствии очевидцы на все лады перебирали происшествие. Кто утверждал, что в самом центре города террористы проводили показательные учения. Кто с пеной у рта доказывал, что в штате Черемысль начались тектонические подвижки, следствием чего имело место узколокальное землетрясение силой в четыре, нет, в пять, да кого там, в двенадцать баллов! А отдельные малоимущие граждане с плохо скрытым злорадством заявляли, что это, мол, просто-напросто спецагенты дорожной жандармерии глумились над автолюбителем, не застраховавшим грёбаное средство передвижения.

Когда живописцы поиссякли, притомились и замолчали, с ответной декламацией выступила их бесплотная натурщица. Первым делом она сообщила, что к болтовне дикарской головы – верьте, не верьте – не имеет ни малейшего касательства. И только потом вернула подачу. Да как! В отличие от фундаменталистов лексической невоздержанности, фенечкины портретные работы были максимально отточены, ёмки и кратки. Ничего лишнего, зато сходство с оригиналами беспримерное. Вплоть до интимных мест. Беспощадная точность графики. Мастерство не ремесленника, но гения.

Расправа закончилась в мгновение ока.

– Понятно? – почти шёпотом заключила Феня-искусница, интонационно выдав своё смущение, стыдливый девичий румянец, но одновременно и упоение обрушившимся на неё признанием.

По салону самостоятельно свернувшей к обочине «Оки» (Илья тут был совершенно ни при чём!) асфальтовым катком проехалась тишина. Не исключено, что в это время где-нибудь действительно родился мент. Но не факт. С одинаковым успехом мог родиться повар, или, положим, будущая слава русийского футбола-великомученика. А мог и тихий ангел пролететь, что вернее. Впрочем, пауза была, ясное дело, вызвана преклонением мужчин пред чистейшей прелести чистейшим образцом. А также молчаливым сложением оружия и подношением триумфатору лавровых венков, даров, а главное – шести рук и трёх сердец.

– Вот так мужают настоящие мужчины! – сконфуженно подал реплику Алексей.

Никита, умеющий как настоящий офицер не только побеждать, но и подписывать капитуляцию, резюмировал:

– С вашим владением матерным языком, сударыня, вы не только коня – танк на всём скаку остановить способны. А уж избы-то горящие пред вами сами развалятся, и входить необязательно.

Муромский, незаметно вытирая слезинки-смешинки воротом рубашки, грозно зыркнул на посрамленный дуэт живописцев:

– Понятно, к чему нужно стремится? Малявки. Школяры. Пачкунята, тяп-ляп мастаки. Мы рождены, чтоб сказку делать! А не пылить порожняком… Фень, хочешь, мы тебе клятву дадим? Нет, серьёзно. Типа рыцарский обет даме сердца.

– Попробуйте, – засмущалась Фенюшка.

Илья возложил блюдцеобразные длани на сгорбившихся компаньонов и забухтел в духе Левитана:

– Мы, юные неотёсанные мужланы…

Компаньоны, сжимая потными ручонками условное табельное оружие и условный пионерский галстук, вторили, усиливая эпичность момента:

– Мы, юные неотёсанные мужланы, мы, пионеры – дети рабочих, мы, отроки во Вселенной… Пермяки солёны уши, вятские – мужики хватские… Мы, орлята Ильича, птенцы Керенского, соколы Сталина, синие птицы счастья завтрашнего дня перед лицами своих наглых морд торжественно обещаем… Ни сном, ни духом, ни ухом, ни рылом не склонять несравненную нашу Фенюшку ни по матушке, ни по батюшке, ни по седьмой воде на киселе. Применять языки – будь то русский, французский, иврит, санскрит, суахили или сулугуни – только для изъявления благодарностей, комплиментов, превозношения…

Здесь в общий хор влился скрипучий голосок всеми забытой сушёной головы:

– Если же мы нарушим нашу торжественную присягу, то да не будет удачи нашим языкам. И да постигнет их участь шершавых плакатных языков! И да засунутся они в места не столь отдалённые! И да будут они без просыху слюнявить и наклеивать марки, гривны и тэнгэ! И пусть нависнут над ними папа Карло с его сапожным ножом и садовник леди Чаттерлей с секатором!

В завершение мужланы, не сговариваясь, затянули торжественный гимн:

– И тогда, в годину бедствий, мать-Мария к нам придёт и споёт нам нежно: «Лэт ит би!»

Теперь повязанным жуткой клятвой героям любое дело и подавно казалось по плечу, а беда по колено. Клятву скрепляли закатившимся под сиденье шампанским. Свою дозу получила и голова. После чего не обладающий врождённым иммунитетом к огненной воде туземный дух начал пузыриться, ухариться и распевать разухабистые каннибальские песни. Пришлось заклеить жуткий динамик скотчем, а сам чёрный ящик с угнездившимся в нём папуасским демоном накрыть платком. Голова ещё немного повозилась, устраиваясь поудобней на подвеске, как попугай в клетке, и, наконец, затихла.

– Фенюшка, знаешь, я ведь в тебя влюбился, – мечтательно произнёс Илья. – Подумаешь, невидимка. Эка невидаль! Я, может, душу твою трепетную полюбил. Короче, хошь – не хошь, муж я твой отныне. Незаконнорожденный твой муж!

– И я! И я! – сдвинули пластмассовые стаканчики с веселящим зельем Добрынин и Попов в едином романтическом угаре.

– Да полно вам, полно, – растроганно прощебетала виновница торжества. – Не было ни шиша, и вдруг гарем.

Илья продолжал со страстью токовать:

– Эхма, а ведь есть, поди, какие-нибудь чародейские силы? Или там принцы? Вдруг да расколдуют они тебя? Ты нам намекни, Фень, мы их под землёй найдём, с землёй выроем.

– Да на что принцы, когда три добрых молодца жениться пообещали! Силы… Может, и есть какие чары, мне про то неведомо. Спасибо, однако же, суженые мои, ряженые, на добром слове. Уж в другой раз прощу я вам шалости невинные, языки предлинные. А пока удаляюсь – пойду, так сказать, почивать на лаврах.

Троица, блестя глазами, переглянулась и радостно возопила:

– А нельзя ли и нам в опочивальню?

Как бы расставляя последние акценты, зазвучал уже знакомый жегловский голосина:

Не сравнил бы я любую с тобой,
Хоть казни меня – расстреливай…

Это Илья, поманипулировав в магнитоле, поставил записи любимого менестреля.

– А что, союз нерушимый мужей несвободных, не пора ли нам и за дело? – Он вопросительно посмотрел на сотоварищей.

Лёха отвечал по обыкновению легкомысленно:

– Всех делов не переделаешь, пора бы уже и поработать…

Добрынин осадил друга по-старшински:

– Разговорчики в строю! Левое плечо вперёд, поэскадронно… Огонь, батарея! Огонь, батальон!

– Фу ты ну ты, конь-огонь на нашу задницу, – не сдавался Попов.

– Ма-алчать, я вас спрашиваю! Смерть шпионам! Если крепости не сдаются, их насилуют!

Под платком, услышав знакомую тему, заворочалась во сне голова.

Комиссар гусар летучих осмотрительно сбавил обороты:

– Господа офицеры, мы славно отдохнули. Хоть и было не до отдыха порой. Только вижу я, наш пикник на обочине несколько подзатянулся. Да и сами мы расслабились. В то время как нам, грозным альбатросам революции, необходимо иметь не вялый вид буржуа и мещан, а холодные мозги Железного Дровосека, горящие сердца Данко и эй-где-же-ваши-руки-крюки. В общем, у меня родилась идея, как одним выстрелом убить двух зайцев и сшить шкуру неубитого медведя. Дело… суть его, то есть, такова…

* * *

Ввечеру того же дня, когда пропылённый город запросто мог бы заполниться свежим морским бризом и душевыворачиваюшим ароматом цветущих магнолий, будь он приморским, к бильярдному клубу «Карамболь» подкатил открытый кабриолет с гигантом-мавром на подножке. Мавр элегантно распахнул дверцу, и из кожано-никелированных недр выпорхнула парочка самой что ни есть куртуазной внешности. На растрескавшуюся мостовую скромного уездного города К* ступили персоналии, более подходящие девятнадцатому веку.

Сильная половина весьма убедительным цилиндром, стеком из мамонтовой кости, лайковыми перчатками, воронёным дирижёрским фраком, манишкой, сияющей ослепительней, чем зубы после «бленд-а-меда» – всем этим эпатажным нарядом тотчас же вызвала у посетителей «Карамболя» желание как минимум двинуть в ухо напыщенному хлыщу. Останавливала желающих вполне вероятная возможность быть вызванными на дуэль. Но ещё более пугала народ мощная мавританская поддержка в тылу хлыща.

Потому и возмущение было тщательно замаскированным, надёжно скрытым.

Зато слабая половина, небрежно драпированная кисеёй вперемешку с шифоном и газом, причёской а-ля рембрандтовская «Флора» и взглядом влажный газельих очей произвела настоящий фурор. Всколыхнулись даже костяные шары на вывеске клуба.

Парочка, состоящая, конечно же, из Алексея и илюхиной соседочки-студенточки Инги под охраной королевича Дредда прошествовала в приёмный покой. Алексей, не глядя, всучил первому попавшему служителю трость и цилиндр с перчатками. Инга скинула воздушную пелеринку, обнажив безукоризненные плечики по самую поясницу. Дредд сдал опешившему секьюрити заветный обрез, невзначай продемонстрировав свой жутковатый амулет.

«Карамболь» раскрыл перед блестящими гостями сумрачное чрево. Свободные столики – были.

Фрачный хлыщ усадил спутницу в кресло. Набежавшая челядь сноровисто обнесла невиданных гостей экзотическими коктейлями. Не забыли и Дредда.

Алексей, не торопясь садиться, с демонстративной скукой осмотрелся. На одном из бильярдных столов уже шла вялая любительская игра, напоминающая мышиную возню. Шары хаотично елозили по зелёному сукну и тыкались в борта за километр от лузы.

«Катилася торба с высокого горба…» – вспомнилась Лёхе детская считалка. Он отхлебнул из бокала жидкости радужного цвета, отдававшей низкосортным ромом. «Вот вам и алкогольное эмбарго», – усмехнулся Попов и подошёл к свободному столу. Привычно коснулся сукна. Кивнул с кисло-одобрительной миной: мол, драпчик-то не худ!

Совершая эти необязательные манипуляции, он намётанным взглядом успел обстрелять каждый уголок в зале и убедиться, что давешний подсвинок из Казначейства присутствует. Да не просто присутствует, но уже заметил и узнал обидчика. Уже принялся с жаром втолковывать что-то своему соседу по столику. Совсем обнадёживающим показалось Лёхе отсутствие знакомцев по игре, которые могли бы шепнуть подсвинку, что Попов – игрок опасный.

Вечер обещал душевность.

Алексею Леонтьевичу Попову, романтику робототехники, певцу русского бильярда, обретшему вдруг статус безработного, предстояло испытать себя в амплуа каталы. Говоря бонтонно, первый раз в жизни применить мастеровитое рукоблудство не ради спортивного удовольствия, но хищной наживы для.

Внутренне напружинившись, катала-пионер принял подобающую хамовато-простецкую позу. Широко улыбаясь, открыл дерзкие уста для ответа на немой, но всеми без исключения заданный вопрос: «Чё ваще надо этому кренделю?»

– Господа! – воскликнул Лёха звучно. – Прошу вас быть внимательными к моим словам, господа, поскольку у меня чрезвычайно мало времени. Через три часа мне необходимо отлучиться по некоторой нужде. Гешефт, знаете ли, и отчасти гештальт. Шухер, махер, тосё. А ля гер ком а ля хер. Варум нихт? О’кей. У меня к вам скромная до неприличия просьба, господа. Дело в том, что у любимой египетской кошечки мадмуазель Инги сегодня случился день рожденья. Инга решила подарить милой зверушке такой ма-ахонький домик-пирамидку. Пирамидку для сфинкса, оцените остроумие подарка, господа! Только экая беда, откуда взяться средствам у бедненькой сиротки? И вот, представляете, господа, она решила

поставить на кон сэкономленную на супе и мороженом «косушку» денег. Надеясь приумножить её за счёт моих весьма, признаюсь, скудных возможностей.

«Бедненькая сиротка», обворожительно скорбя по не выкушанному супчику и эскимо, напряглась и вздохнула столь бурно, что из глубины декольте взорам ошеломлённых господ явилось виденье пресловутой «косушки» в дивном обрамлении.

Дредд бесстыдно причмокнул, Алексей мысленно зааплодировал. «Ай да Инга, ай да… М-да. Надо бы склонить её к демонстрации подобных фокусов в приватной обстановке».

Предварительно-то они обговаривали вполне заурядный способ. Деньги должны были явиться на свет божий посредством мановения пленительной длани. Хотя экспромт с декольте, чего греха таить, Инге удался. По высшему баллу шкалы какого-нибудь Акопяна. К тому же, у Акопяна, поди, и декольтировать нечего.

Другое дело, Инга.

Не удивительно, что в самом скором времени шушуканье по углам-кулуарам «Карамболя» переросло в жужжанье, болботанье, утробное урчанье. Выплеснулось оно нашествием целого ряда господ, возжелавших немедленно помочь «сиротке». Причём с явными намерениями сперва запустить как бы невзначай пакостливые ручонки в то самое декольте, и только потом разразиться квохтаньем наподобие: «Уж извините меня, сударыня, так получилось, сам не пойму как… А не изволите ль принять, так ск’ть, в виде компенсации скромную сумму…»

«Ну-ну, – веселился инженер-оборотень, – полезли червяки на дождь!»

В этот момент сзади деликатно кашлянули ему прямо в ухо. Он скосил глаз.

Ага, вот и завертелось! Возле него топтался подсвинок из казначейства.

– Добрейший вечерок, Алексей, – заговорщицки подмигнул подсвинок. – Узнаёте раздетого вами беднягу?

– Так уж и раздетого, – пожурил выдумщика Попов.

– Ну, пусть не догола. Однако поражение нанесено. Я требую незамедлительной сатисфакции. Мы тут с моим дорогим другом Августином Дерябнычем как раз беседовали о нашей с вами недавней игре. А тут и вы сами оказались, хе-хе, с оказией. Не соблаговолите присоединиться? – Подсвинок уморительно сморщил «пятачок».

– Ба, ба, да какие разговоры! – вскричал Алексей и тотчас полез обниматься, невзначай наступив подсвинку на ногу и выплеснув в пиджачный карман полкоктейля. – Дункан Накладыч, дорогой! – голосил он, сжимая попискивающего казначейского чиновничка в богатырских объятиях. – Чудовищно рад видеть вас снова! Уж так рад, так рад, не приведи Господь! Да боюсь, с сатисфакцией, ничего не выйдет. Как певал, бывало, Джек Миггер, орало капиталистической клоаки: «I can’t get no satisfaction». Вы ж игрок-то страсть, какой сильный. Я это сразу понял. Чистая случайность, что давеча выиграть у вас получилось. Повторить ни за что не выйдет. А проигрыша Инга мне не простит, куда там!

Реденький пушок на прохиндейском рыльце Дункана Накладыча встревожено вздыбился. Он великолепно помнил, какая это была случайность. Сам он в той партии не успел ударить и двух раз. Как разбил «пирамиду», так и отдыхал до тех пор, пока последний шар, направленный рукой Попова, не лёг в лузу.

– Что вы такое говорите, Алёшенька, милый? – залопотал подсвинок. – Я просто пошутил насчёт сатисфакции. Пошутил, хи-хи-хи! Это всё Августин Дерябныч, противный. Хочу, дескать, принять посильное участие в печальной судьбе мадмуазели. Постойте… да вы не знакомы, господа? Непременно следует заполнить этот пробел. Вот, извольте: Алексей Леонтьевич – Августин Дерябныч.

Августин Дерябныч, если следовать принятой нами животной классификации, был похож на изрядно пощипанного временем, но по-прежнему опасного хорька.

– Признайтесь, Августин Дерябныч, вы, часом, не из корпоративных побуждений играть желаете? – осведомился Лёха. – Отомстить за поруганную честь Казначейства?

– Ни в коем случае, Алексей Леонтьевич. Ни в коем случае. Мы, конечно, с Дунканом однокашники, оба выходцы из славной нашей однопартийной системы. Только он, орёл, вон куда взлетел, в казначеи. А я-то, птаха малая, незаметная. Заведую всего-навсего отдельчиком в скромненькой налоговой инспекции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.